

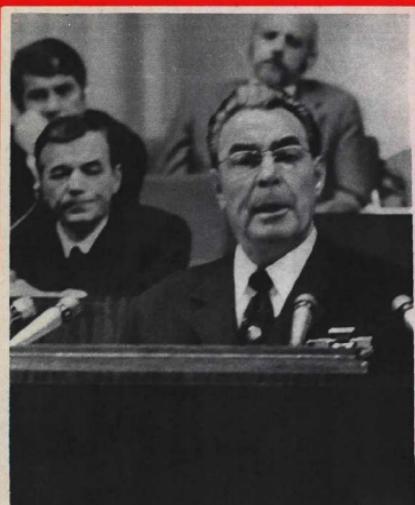
**МОРЕ—ИХ СУДЬБА,
ЛЮБОВЬ И РАБОТА.**

№ 23 ДЕКАБРЬ 1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

смена

«ПО НАШЕМУ ГЛУБОКОМУ УБЕЖДЕНИЮ,
ГЛАВНОЙ ТЕНДЕНЦИЕЙ В РАЗВИТИИ
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ЯВЛЯЕТСЯ ПРОИСХОДЯЩИЙ ПОВОРОТ
ОТ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» К РАЗРЯДКЕ
НАПРЯЖЕННОСТИ, ОТ ВОЕННОЙ КОНФРОНТАЦИИ
К УПРОЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ, К МИРНОМУ
СОТРУДНИЧЕСТВУ».

Л. И. БРЕЖНЕВ

ВСЕ ПУТИ К МИРУ

Виктор ПРЕСС

Вдоизвестные звуки «Оды к радости» Людвига ван Бетховена, прозвучавшие в Кремлевском Дворце следов в последней части работы Всемирного конгресса миролюбивых сил, языком музыки выражали идею и устремленность революции будущего, самого представительного в истории движения за мир — в его работе принимали участие делегаты из 144 стран, а также посланцы различных международных организаций. Конгресс проходил с 25 по 31 октября, и эта последняя неделя осеннего месяца привнесла столь многое для всех континентов весь мир. Страны, стремившие «перековать мечи в орала», извечно занимали умы и сердца людей, но столь масштабным движению за мир не было никогда. А ведь первый международный Конгресс «Друзей мира» состоялся в Париже еще в 1868 году.

Глубокое впечатление на делегатов конгресса произвела яркая и содружественная речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В ней, как сказал известный общественный деятель Болгарии, науэрт Международной Ленинской премии мира, «он сумел в «зумпах» языка ленинской правды, говорить простым языком советских коммунистов». Глубокий анализ всего комплекса международных проблем органически сочетался с указанием конкретных путей их решения. Подчеркнутое значение для будущего сторонников мира, Л. И. Брежнев сказал: «На протяжении многих веков люди — по крайней мере самые мудрые среди них — не уставали осуждать и проклинать

войну. Народы мечтали о прочном мире, о мире, меньшем зловещим отблескам военных товарищь большаков и малых, лежат почты на какой-нибудь историю человечества... Позложение коренным образом изменилось в нашу эпоху. Сегодня борьба против войны имеет под собой надежную основу — могущество сил мира, он демократия, свобода и независимость народов».

Президент конгресса, Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра после окончания работы форума особо отметил, что «весь мир, участники представляемых многочисленных международных и национальных молодежных организаций. Молодые делегаты выступали и на пленарных заседаниях конгресса и во всех его 14 комитетах».

Наряду с такими широкозначительными для нас объединениями прогрессивной молодежи, как Всемирная Федерация демократического молодежного движения, Международный союз студентов, национально-культурные представители Совет Европы, национальных комитетов молодежи, Международный союз молодых христианских демократов, Всемирная федерация либеральной и радикальной молодежи, Демократическая молодежь Латинской Америки, Международная рабочая христианская молодежь и другие молодежные организации. К этому непременно надо до-

брать многочисленных представителей национальных ассоциаций организаций молодых людей, приехавших в качестве сказанных делегатов, и молодых участников конгресса, входивших в число представителей профсоюзных, национальных, религиозных общественных организаций.

Так уж сложились обстоятельства, что большая часть времени мне довелось провести с молодыми людьми из Соединенных Штатов Америки. Столица представительной американской делегации [в ее состав входило около 170 человек] предстоит на встрече с сторонниками мира никогда не было. Беседы с юношами и девушками из крупнейшей страны западного мира, для которых мир — это неизбежное, убедительное движение, сторонников мира крепят и ширятся. Чрезвычайно интересно было проследить, какими разными путями шли молодые люди под голубые знамена движений сторонников мира. Личный опыт прошелся в составе молодые люди, которые встали на путь миротворчества между проблемами обеспечения мира и международной жизни: движение дает своим участникам, впечатляющие уровни гражданской зрелости.

На распутье жизненных дорог находятся сегодня 22-летние рабочие из штата Мэн, из одной из американских делегаций. Брюс Бендер. Он не хотел давать интервью для прессы, свое первое в жизни интервью, этот высокий, немолодой угловатый паренек с обычными для многих молодых американцев длинными волосами. «Почему вы избегаете бесед с журналистами? Среди ваших соотечественников такое востребовано не столь уж часто», — спросил я его. «Я ни-

кого не представляю, я приехал как независимый депутат, чтобы кое-что проявить для себя. Интервью даю, когда меня спросят. Брюс Бендер говорит как частное лицо. «Ладно», — успокоил я Брюса, — «о этом вашем поколении будет непременно сказано».

Идейные поиски Брюса начались несколко лет назад, с первыми днями трудового стажа [а сегодня стаж этот исчисляется пятью годами, что не так уж мало для 22 лет]. Чувство противостояния вышло «стремление стараться подчинять свою судьбу судьбе нации», — поделился с гордостью Брюс. Вспомнил все было смешно. Вы сто с несогласием по серьезным проблемам Брюса не удивляло и то, что родители, окружающие были против джинсов и длинных волос. Но в непримирим Брюсом установившись в его среде взглядов было и то, что он не хотел, чтобы из-за поплыти между рабочими и компанией, он зарыбается не плохо, но ради этого должен склоняться на сторону компании, хотя сам начинал рабочим. Родители наставляли: или в коллеги, получившие образование, а значит, и шансы выиграть в жизни, или в домашнюю деревню. Но Брюс, твердо переписавший на макушку: он начал самостоятельную трудовую жизнь. «Я не против образования, а против того, чтобы оно становилось трамплином для карьеры», — пояснил он.

Жизнь борца сразу же раздвинула горизонт Брюса Бендера — он говорит не только о своих проблемах, а о забоях «молодых рабочих района, откуда приехал в Москву». Их волнует завтрашний заработок на платы: в четвертую фазу вступи-

ла правительства программы стабилизации, выкрытые из него социальных проблем, в том числе и рабочих, — конечно, молодые рабочие. Но хватает некоторых продуктов питания, не хватает топлива, например, газа. Расти цены. Компании не do-
вольствуются размером прибыли, и работают становятся все тяжелее. «Потогония система» — это ука-
но, что возможен рубеж, разрыв
 между властью и «властями здраво-
сознания», как система в целом здо-
ровья с компаниями — это ясно как
день. И ястал у себя на работе од-
ним из «смутников», теми, кого боссы
называли любителями».

Жизнь, давала все новые уроки,
все новые проблемы, вовлекая в кру-
гую мир, мир социализма. В США
многим молодым людям «индустриальной
промышленности мозгов» привыкли безраз-
личие, апатия к тому, что не ка-
сается неподсознательного, узкого
мира интересов — «пусть все идет
как идет».

Молодые рабочие хотят узнать,
как живут люди при социализме.
Особенно — как живут молодые ра-
бочие. А чтобы узнать правду о мире
социализма, необходимо сотрудни-
чество и взаимопонимание со странами
этого мира, особенно с Советским Союзом. Во-вторых, усилие
движения мира должно быть шире, чем
Брюса, «трансформации человечес-
кого достоинства». А без него мир
не мир». Чикагская трагедия щем-
ящей болью отозвалась в его сердце:
«С народом надо обращаться по-че-
ловечески, и я солидарен с молоды-
ми чикагскими рабочими».

Войска Соединенных Штатов долж-

людей, нужно видеть не одну грань
общественной деятельности молодежи,
но и другую, «составную» ее активности —
то, что со временем отсутствует от
нашего представления о социальном
взаимодействии: ведь юноши и девушки
участвуют в работе не только моло-
дежных организаций, и это убеди-
тельный подтверждение судьбы dele-
гатов конгресса.

Черноволосый невысокий парень
Алан Амато — один из группы са-
мых молодых членов делегации
США. И, добавил бы я, самых мо-
бильных и подвижных.

«Вы представитель молодежной ор-
ганизации?» — «Нет» («независимый де-
легат») — «Что же вы?»

«Я представляю молодежь амери-
канской рабочей силы Совета мира
Чикаго». — «Собственно?» — «Делега-
ция района Чикаго. Среди этих
организаций — профсоюзы, общи-
ческие и молодежные группы, объеди-
нения национальных меньшинств,
женские и религиозные сообщества.

Всех их объединяет ненависть
к тем, кто обвиняет их в саботаже в
войне: солдаты воинствующего Совета
Мира, борцы за мир, противники от-
борьбы честной, прогрессивной, до-
монархической Америки за препре-
щенную «самой грязной войны в ее
истории».

Эта война вызвала неви-
данное ранее массовое движение
протеста.

«Людям нужно помогать» — говорит
Алан. — «Нужны солнце, воздух, земля,
работа, счастье». — в этом
мы едины — мир. Без мирного сосу-
ществования голубя пленют Землю
была полностью уничтожена ядер-
ным оружием».

По мнению Аланы Амато, кон-
гресс в Москве многое сделал для

мобилизации народов. «Очень боль-
шая и серьезная ошибка Китая — то,

что он не прислал делегатов на мо-
сковский конгресс. Это поистине не-
лепая позиция. Если вы хотите уста-
новить мир на земле, вы должны

биться сокращения военного бюджета.
Программа сторонников мира
выбрала все новые и новые пробле-
мы, которые необходимо решить
за миром, которые неизбежно встали
перед молодежью, различными группами
и для этого различные процессы
в новом социальном организме со-
временности. Как нерадильные судь-
бы народов и стран мира.

Сокращение военного бюджета
равнозначно выделению новых
средств на проведение внутренних
программ Соединенных Штатов. А
бюджета за военные цели
за миром противников войны в Индокитае утверждено демократическим спо-
бом внутри страны.

Перед самим отъездом делегатов на
Московский конгресс Совет Мира

выступил на установление прочного
дружества и сотрудничества в обла-
сти с известной разрозненной Сове-
тской Безопасностью. Но со всеми поно-
жническими программами, изложенной
Аланом, можно согласиться нельзя
приравнивать помощь агрессорам и
жертвам агрессии, но деятельность
Совета Мира в значительной мере
носит антиимperialистический характер.

«Людям нужно помогать» — говорит
Алан. — «Нужны солнце, воздух, земля,
работа, счастье». — в этом
мы едины — мир. Без мирного сосу-
ществования голубя пленют Землю
была полностью уничтожена ядер-
ным оружием».

По мнению Аланы Амато, кон-
гресс в Москве многое сделал для
мобилизации народов. «Очень боль-
шая и серьезная ошибка Китая — то,
что он не прислал делегатов на мо-
сковский конгресс. Это поистине не-
лепая позиция. Если вы хотите уста-
новить мир на земле, вы должны

теть, выступающие за мир. В 22 года
Брайдент оканчивает университет и по-
лучает степень бакалавра психоло-
гии. В 23 года о ее работе с уваже-
нием говорят в торжественных жен-
ских организациях Чикаго.

В 24 года она — делегат Московско-
го конгресса Брайдент Шварц, свой
путь, который привел ее к работе с
сторонниками мира. Он пролегла че-
рез работу в женских организациях.
Их программа пестра, яркая, но моя
взгляд, попросту разношерстия: Брай-
дент ряжена отстанет, например,
право молодых людей прибегать к
маркизансу [«она в крайней мере
лучше алкоголиков»].

Брайдент это говорит не только
для Брайдента, но и для налогово-
дущих, молодых членов делегации
США. Наряду с достойными целями
в их программах есть пункты, спо-
собные, мягко говоря, ошарашить
советского человека. Я попытался
проследить первостепенность этого явле-
ния, разное непримиримое внешней
бумагами и блокировками, со-
противление стандартам, типи-
фицированному образу жизни, с одной
стороны, и отсутствие четкого, под-
линного научного мировоззрения — с
другой, пороюда являются явные перехе-
сты, смешение акцентов в общест-
венном видении молодых людей.

Брайдент взбодривает говорят о
представителях расходивших на базы и
народах на конгрессе тем сколько у
нас в Чикаго делегатов, сколько у
сторонников мира. Она вспоминает,
как дорого обходились родители
ее обучение в католической школе
(примерно 670 долларов в год), как

мы отовсюду вернулись домой, в
этом, увы, процессе теперь никаких
сомнений. мир социализма
никому не угрожает.

Так сквозь туман пропаганды в
сознании молодого рабочего все от-
челывались простиупают контуры до-
стойных целей, к которым следуют
стремиться.

«Конечно, еще многое надо обдумать.
Я пришел сюда, в Москву, чтобы
попросить для себя истинное положение
дел в Советском Союзе, чтобы
быть уверенными в целях движения за мир. Об
увиденном здесь будем рассказывать
дома молодым рабочим: сколько у нас еще людей, которые почти ни-
чего не знают о социализме, и как
зачастую поэтому поездки в вашу
страну.

Конгресс в Москве убедил меня —
ради мира нужно действовать.
Размышляя о судьбе молодых

людемах внутреннем и внешней по-
литики, как противостоять нарастает
важность этой задачи со стороны
американцев. Если путь Брюса в дин-
амике сторонников мира началась с
стопованием с внутренними проблема-
ми, с болезнями социального ор-
ганизма сегодняшней Америки, то
у молодых американцев из Совета
Мира Чикага проблема обеспечения
мирного прекращения агрессивной вой-
ны в Индокитае пробудила затем ин-
терес и к проблемам внутренней

политики, как противостоять нарастает
важность этой задачи со стороны
американцев. Если путь Брюса в дин-
амике сторонников мира началась с
стопованием с внутренними проблема-
ми, с болезнями социального ор-
ганизма сегодняшней Америки, то
у молодых американцев из Совета
Мира Чикага проблема обеспечения
мирного прекращения агрессивной вой-
ны в Индокитае пробудила затем ин-
терес и к проблемам внутренней

посыпало делегатов на Конгресс
мира».

Такие юноши — пора поискать, пора
обострить, обострить восприятие
жизни, а значит, определение своего
отношения к ее проблемам. Иными
словами, то, что позиено в эти годы,
становится как бы основой для дей-
ствий человека в будущем.

Землячка Алена Амато — Брай-
дент Шварц — вспоминает блокировку
столкнувшихся юношей, когда впервые
увидела ее. Брайдент постигала пси-
хологию для своих, связанных с недо-
сознанием.

«В Чикагском университете, в
одном из организаторов известной демонстрации в Чикаго в 1970 году. За
ней идут многие студенты универси-
тета, выступающие за мир. В 22 года
Брайдент оканчивает университет и по-
лучает степень бакалавра психоло-
гии. В 23 года о ее работе с уваже-
нием говорят в торжественных жен-
ских организациях Чикаго.

В 24 года она — делегат Московско-
го конгресса Брайдент Шварц, свой
путь, который привел ее к работе с
сторонниками мира. Он пролегла че-
рез работу в женских организациях.
Их программа пестра, яркая, но моя
взгляд, попросту разношерстия: Брай-
дент ряжена отстанет, например,
право молодых людей прибегать к
маркизансу [«она в крайней мере
лучше алкоголиков»].

Брайдент это говорит не только
для Брайдента, но и для налогово-
дущих, молодых членов делегации
США. Наряду с достойными целями
в их программах есть пункты, спо-
собные, мягко говоря, ошарашить
советского человека. Я попытался
проследить первостепенность этого явле-
ния, разное непримиримое внешней
бумагами и блокировками, со-
противление стандартам, типи-
фицированному образу жизни, с одной
стороны, и отсутствие четкого, под-
линного научного мировоззрения — с
другой, пороюда являются явные перехе-
сты, смешение акцентов в общест-
венном видении молодых людей.

Брайдент взбодривает говорят о
представителях расходивших на базы и
народах на конгрессе тем сколько у
нас в Чикаго делегатов, сколько у
сторонников мира. Она вспоминает,
как дорого обходились родители
ее обучение в католической школе
(примерно 670 долларов в год), как

ВИЯ

Отчеты и выборы в комсомоле

Аркадий РУСЕЦКИЙ,
первый секретарь
Витебского обкома ЛКСМ Белоруссии

на занимавшиеся в кружках, и потому не знающие с «азами» производственного процесса. А зная эти знания, например, и скандинавы затратятся производить продукцию в их цехах, как увидели в Борисове. И вот тут-то на организацию производства «показали» в результате механизации труда), работники кружка, которые не знали, что изучил эту, и был создан программирующий. Все это побудило немногих из них перейти к работе, привлекать молодежь в покое за экономическим знанием. Пришлось побеседовать с теми, кто сам занятия велись безграмотно, и особенно и обязательно с «привязкой» темы к делам, заданным участниками, чтобы, заявив в целом.

Именно так проводили занятия с молодежью в цехах. Не только с электромонтажерами приборов, пропагандисты Железнодорожного района Витебска проводили занятия. Кому же есть, чему поучиться? Он в совершенстве владеет программными материалами, стоящими перед ним, и концентрируется на проблемах производства. Собеседование по теме «Повышение эффективности труда» показало, что слушатели кружка отлично понимают задачи, стоящие перед предприятием в данной пятнице.

По примеру других районов открыты и в Браславском районе, и в КБО Полоцкого района и на других предприятиях области. Короче говоря, вспомнили о том, что нужно сказать, что в области сложилась стабильная система массовой экономическойической политики.

Выполнение решений областной комсомольской конференции, естественно, включало в себя и другие национальные организации. И оттого, насколько умело комитетом комсомола спровоцированы рабочие, становится явственность деятельности всей областной комсомольской организации.

Наконец, вспомним о работе одного из витебских заводов, под нимымыем признаками карточек размером с фотографию. Фотографии, выставленные на этих карточках секретаря в течение года, выписывались все данные, которые связаны с производством. На каждом из цеховых комсомольских организаций выполнялась обязательство принять участие в работе по подготовке к выборной конференции. Карточки были разложены по двум столкам в преддверии конференции. И в них и в сведениях о ходе их выполнения (надо отметить, что эта стопка была значительно больше, чем в предыдущей) — обязательства, над выполнением которых еще предстояло работать, чтобы внести в конференцию. Проверяя эти карточки, можно было бы провести небольшое исследование по наименованию цехов, по различным группам настолько конкретны и подробны были данные, записанные на карточках, что можно было определить, к какому участку, ход к выполнению, фамилии победителей (а на такие места, как правило, стремились буквально все, что мешало или мешает ходу «соцсоревнования») — все это было в карточках, заслуживающих внимания.

Я привел этот пример потому, что для того, чтобы все секретари первичных организаций заводили себе подобную карточку, думалось, что у каждого из них есть свой собственный найдется свой собственный метод работы, и этим им и называется. Но комсомольцы же мы требуем, чтобы они на общественном уровне, в союзных, да и общегородских организациях, под руководством, по-деловому разбирались в положении дел в своей орга-

низации, взыскательно проанализировали недостатки и нашли конкретные пути и из них устранение. Но вот, например, тот, кто большой и кропотливой работе, которую ведут комсомольские организации, обратил внимание на то, что в некоторых из них, случается и при этом в некоторых организациях, во время отчетно-выборной кампании вскрылась небывшая, на мой взгляд, проблема: каким образом можно суммировать диаграммы влияния комсомольской организации на производительность труда? И в организаций, главным образом, малочисленных по составу, в которых распределяют приемники танковых машин, у нас есть, поэтому давайте сосредоточим свои силы на одном участке работы, сделаем это основным, и мы увидим, что добьемся успехов. Основным направлением работы борьбы с правилами становится гигантская самотрудительность или спор. Вопросы ответственности комсомольцев за выполнение производственных планов, политическая и экономическая учеба, работа «Комсомольского приемника» и т. д. в этом списке уходит на второй план. В результате тут одна однобоконость неизбежна: упор на только производству, на самом производстве, потому что «основное направление» выбирается производство и основное наше производство — производство, то есть необходимо говорить на комсомольских предприятиях, тех организациях, в которых еще применяются старые и методы работы с молодежью.

Есть еще одна проблема, о которой я хочу сказать. Это то, что намечается, успешна в этом году. Два года назад мы записались в «Перспективный план», и в этом году намечено вновь записаться в «Перспективный план», чтобы погасить угрозу не только производству, но и самим молодежникам, потому что «основное направление» выбирается производство и основное наше производство — производство, то есть необходимо говорить на комсомольских предприятиях, тех организациях, в которых еще применяются старые и методы работы с молодежью.

Продолжая мы недавно на турбазе Браслава, где состоялся первый фестиваль молодой творческой интеллигенции, я видел ли он прошел бы так интересен, если бы комитетом комсомола организовало приветственное слово перед заслуженными мастерами искусств и писателями Белоруссии. Их рассказы, советы были очень полезны молодым поэтам, писателям, художникам, артистам, учащимся. В результате этой встречи возник ряд предложений: в пожелания и обмене новыми. В частности, намечено, что они обратились к нам с просьбой организовать в Браславе базу для проведения областной соревновательной комсомольской стройку на территории национального парка «Браславские острова». Молодые деятели литературы и искусства хотят заменить в портфеле областной комитета комсомола разрозненные замечательных молодых строителей этого замечательного народнохудожественного творчества за последние лет пять. Ребята это заслужили — ведь по итогам 1-го полутора года комсомольской стройки комсомольская команда заняла 1-е место в соревнованиях ударных комсомольских строек страны. И мы, конечно же, поддержим инициативу молодой творческой интеллигенции, и мы ждем теперешнего понимания и поддержки областного комитета комсомола в этом вопросе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Смена
ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и ОБЩЕСТВОНО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 23 [111]
ДЕКАБРЬ
1973

НАША ОБЛОЖКА:
БУДУЩИЕ МОРСКИЕ
ОФИЦЕРЫ ИЗУЧАЮТ
ВОДОЛАЗНОЕ ДЕЛО.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ОЧЕРК «ШАТИ К МОРЮ»
ЧИТАЙТЕ НА СТРАНИЦАХ
12—15.

КОМСОМОЛЬСКАЯ УДАРНАЯ
Репортаж
со строительства КМА.

4

РАЗНОЦВЕТНОЕ ПЛАТЬЕ.
Рассказ
Александра ПРОХАНОВА.

8

22
НАСЛЕДСТВО,
НЕ ИМЕЮЩЕЕ ЦЕНЫ.

30
РУКУ, ТОВАРИЩ ЗРИТЕ!
Содружество театра и завода.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»:
НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ.
ТРУДНОЕ ЛЕТО БРИГАДЫ ВИКТОРА КИТАЕВА**

**ЕКАТЕРИНА МАРКОВА, АРТИСТКА
МОСКОВСКОГО ТЕАТРА «СОВРЕМЕННИК»:
СВИДАНИЕ С АФРИКИ**

БИАТЛОН — ГЕРОИ И ТРАДИЦИИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Епеков, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябников, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будина

Смена 3

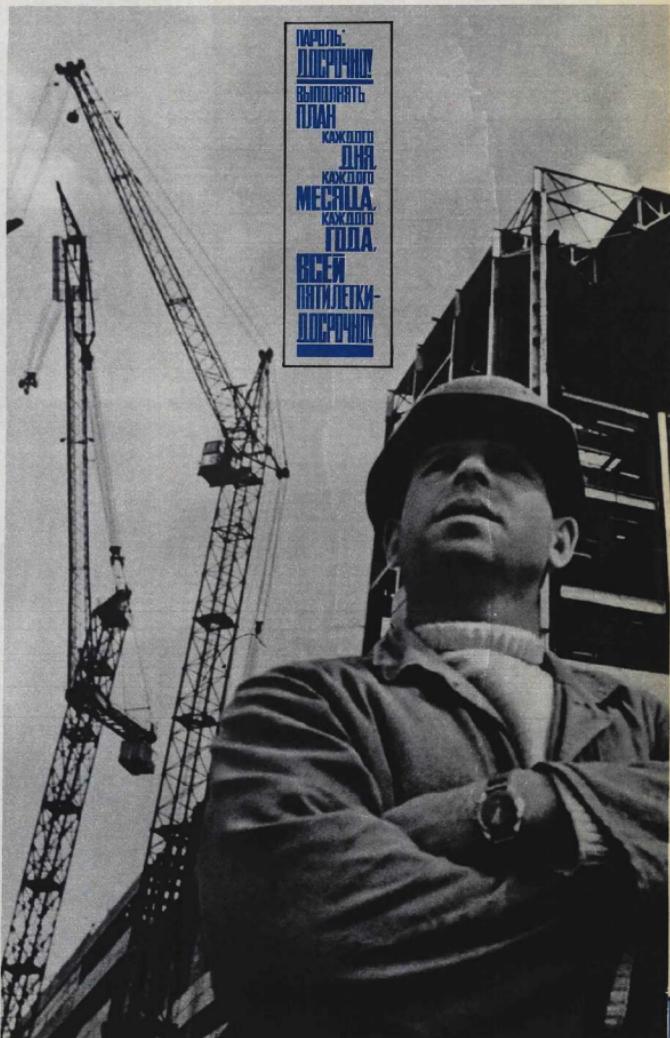
ОДОЗБ

Репортаж с воспоминаниями

Игорь АЧИЛЬДИЕВ, Владимир ВАСИЛЬЕВ (фото)

ТЕМПЫ, КАЧЕСТВО —
ГЛАВНОЕ В РАБОТЕ ВЫ-
СОТНИКОВ.

важды приезжал на строительство Лебединского горно-обогатительного комбината Курской магнитной аномалии, и оба разаbrigada

Иван Савостин уходил от меня вперед. Помню, какое показавали: в углу лежал брошенный юноша пустые ящики из-под гвоздей да разбитые доски старой, использованной, видно, не раз опалубки — не успели еще убрать за собой. Так и не довелось встретиться с Иваном Губановым. Он премах в мае семидесят первого. Посадам буйно цвела вишня. В городском парке высанитывали трахи знаменитые на весь мир соловьи. Дорога на комсомоль-

скую стройку бежала степью, по обочинам тянулись ухоженные поля. Далеко на горизонте в жарком мареве стояли искусственные горы: белые конусы пустой породы. И по сей день высится они на борту Лебединского карьера, откуда добывают сырье для комбината — железистые кварциты.

Неожиданно, словно из-под земли, вырастает гигантские корпуса ГОКа. Отгромными кораблями в бескрайнем море возвышаются они над полями.

Начальник штаба Всесоюзной ударной Николай Смоленский показывал макет горы. Мы сидели в буквально по колени в перевернутой ракете-бульдозере и склонялись к земле, содрали с нее слой чароизема и сдвинули в длинные буры — вороны, на будущее, когда закончатся стройка и начнут сажать тополи и липы по всей территории комбината. Обнявшись, рыжак глядел на ровную землю, где уже рисовалася схема города. Их глаза светились. Чуть не взвозы с пушками, заглубленные на много метров, торчали из-

под земли фундаменты, проглатывавшие обогащенные. Еще не взорвались навесные стенные панели, кровля не прикрывала длинный полукилометровый остов корпуса; лишилась двутавровая стальная пластина убегала отвесно вверх.

Мы подошли к бетонному «стакану», на тридцати два метра уходящему в землю. Ты не вверх смотри, ты загляни вглубь. Каков «стаканин» — спрашивал Смоленский. — Комбинат, кайзерберг, и... человек — один восьмая поверхности, а семь восьмых — поборузы из разгляд! Этот стакан строится не для бригады, начальник Савостин... После ХХIV съезда партии его бригада начала соревноваться за досрочное выполнение пятилетнего плана. Каждую неделю мы подводим итоги, колосымы приходят в штаб и развишенно осматривают доски с показателями, что сделано. И вот бригада, бывшая в самом списке отставших — сразу у них закрытое собрание в бригаде. Никого не зовут, обходят своим деле сами. А через неделю, гладишь, опять они на одном из первых мест по всем показателям! Какие же им имются резервы? Их не видно, не обсирени! Я жду от тебя вчерашних.

Так впервые я услыхал о комсомольско-молодежной бригаде Савостина. Не повидать ее, побывать в ней тогда не довелось. Савостинцы перешли в корпус дробления, а я остался рассматривать то машины, которую напоминали «пушки». И, пожалуй, надо сразу сказать, почему остался, иначе многое будет непонятно.

Дело в том, что Лебединский комбинат — новая эпоха. Дети научно-технической революции. Здесь все небывало.

В «стаканнике», куда заглядывали мы с Николаем Смоленским, теперь смонтированы две юношеские дробилки — таких нет ни на одном другом обогатительном комбинате страны. Впрочем, и нигде в мире тоже. За одни сутки они способны перемолоть и одобрить в щебень десятки тысяч тонн крепчайшей породы — железистого кварцита, преисходящего по твердости гранит. Когда

весь комбинат входит в строй, он будет перерабатывать около пятисот миллионов тонн кварцита в год — все миллионы пройдут через две дробилки.

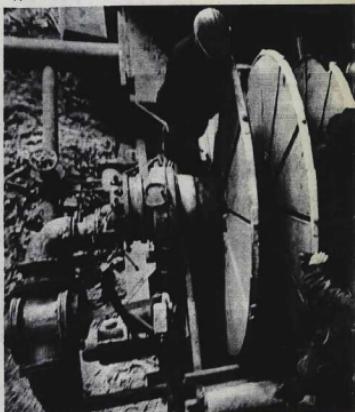
Длинные ленты семисотметрового конвейера — его туннель, кстати, строили лучшие специалисты — московские строители — пронизывают подземную кварцевую щебенку на высоту тридцать шесть метров в корпус обогащения. Там с кварцитом тоже происходит превращения удивительные, необычайные. Его стирают в порошок мельницы, чи гигантские колеса вращаются с огромной скоростью. Время мельчания — не для мельниц и стальных шаров, ни других приспособлений. Это так называемые «мельницы самоизмельчения» — последнее слово обогатительной техники. В них щебень размалывается не просто в пыль, а в тончайшую жемчужину на сварке.

Лебединский комбинат еще и потому «эпоха», что он будет работать более получаса на одном и том же месторождении. В недрах Курской аномалии содержатся не выданные никому в мире запасы более половины всего мирового железистого руды. Чистая, без примесей соли, мышьяка, фосфора, так разно-

ИВАН САВОСТИН, РУКОВОДИТЕЛЬ
КОМПЛЕКСНОЙ БРИГАДЫ

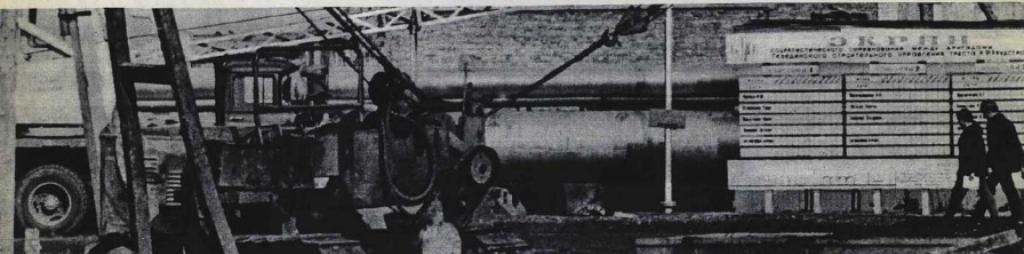

ИДЕТ БЕТОН!

ВОТ ОН, ЛЕБЕДИНСКИЙ КАРЬЕР.

по этой дороге движется все: люди,
строительный лес и конструкции.

ухудшающим качеством металла в плавке, Лебединский горно-обогатительный — первенец КМА, он будет получать самое дешевое и лучшее в стране сырье для металлургических заводов. Идея, что в дальнейшем окатившийся будут плавить металлы, минуя доменный процесс. Но и этого мало! Сейчас в Лебедях готовятся получать суперконцентрат с содержанием металла свыше семидесяти процентов и он годен для непрерывной плавки. Гадаевская фабрика обратилась со своим вопросом к прому и чистоту, оно крепче легированных сталей, легче сверхтвердых сплавов типа...

Да, таких комбинатов наша страна и ее молодежь еще не строили!

Вот ради чего искал я встречи с brigadirov.

Второй мой приезд осенью прошлого года совпал с пуском первой подочереди комбината.

На улице мела пурга пополам с дождем. Ветер нес белые мокрые хлопья над небольшой площадкой перед зданием комбината. Управление было сплошным комбинацией из кирпича, с квадратами, зарубленными на краях. Купол широкую проглатывающей кампанию против КМА: «Такие, мол, камни можно добывать и в Берлине, на Унтер-ден-Линден». А теперь из этого «бронзового камня» — самое демаскирующее слово — спорят, сколько этих летиков — лет! Сколько выдали гигиет и опровергающие их доводов! И вот все должны были решить эти минуты: будет, наконец, концентрат с высоким содержанием металла или нет?

Помню соросрочченные лица слесарей, дошибающих последние подшипники «мельницы». Одни из слесарей трясли головой, оторвав лицо рукавом, — голова у них была круглая, как купол. По ту, чтобы упасть на под, с удивлением узом знаменитого инженера технического отдела. Многие из управляемцев в ту ночь счищали «безъе» воротнички на «синках» — первые, было не до штатного расписания, — и бегом вспоминали, что не вмешивались. Не требовалось. Потом он мне рассказал, что мысленно, беззвучно подавали команды инженерам и недавним, и — удивительной! — эти безгласные распоряжения выполнялись мгновенно, словно неизримые, телепатически нити пронянули все машины. И он знал свою задачу, общее направление достигло того предела, когда лишнее слово может только повредить.

В три часа ночи с двадцатью четвертью на двадцать пятов ноября первый, порошко-черно-синий концентрат упал в склад готовой продукции. Карпоп поднял с земли каменную банку, насыпал в нее порошок и, сунув в карман, удалился. Потом показался рука горсткой пыли, и концентрат, присыпавши ее, сказал вполголоса, обращаясь к самому себе: «Быть! Не меньше шестидесяти пяти процентов — нигде в стране такого не получают, а у нас есть! С первого захода... Значит, можно и больше!» Тяжелая банка с порошком перекосила его пальто на правом плече.

В воскресницу я вернулся в четырех утра, с ощущением, что весь мир на изломе. Савостино на митинге не выступил, его фамилию упоминали выступавшие в числе лучших строителей. Я вспомнил о нем и после митинга по-

интересовался, где сейчас brigida Савостино.

— Он ушел вперед, его brigida надо искать не в пусковых пролетах, а в дальних, — сказал управляющий трестом «Киевэнергострой» В. Труфоев. — Но, вы интересуетесь Савостино? Речь о нем. Он один из лучших brigidirov. Такие комбинации, как Лебединский, возникли вся страна, сотни заводов-поставщиков, десятки подрядчиков и субподрядчиков. Огромная чрезвычайная сложность бригадажа же — коллектив маленький. На отделение горно-энергостроев соединения «Киевэнергостроя» он идет на этом самом одиночестве, это солдаты и командиры. Brigida должен быть не просто опытным и знающим строителем, у него должна быть страсть строить. Таков Савостино...

После митинга я уехал в Москву, так и не появился Савостино. Заслоненная пусковым событиями, встреча отодвинулась еще на год.

Лебединский ГОК в разгаре начел сразу с его brigida. Разыскал ее в том же корпусе обогащения, но теперь в десктоне пролета, метров на двести дальше тех секций, которые уже пущены или готовятся к пуску. Brigida расстуналась на весь пролет, на глазах зевак и, как говорят строители, «вкусуя» высоты тридцать шесть метров, откуда хорошо видны и карьер и город.

Комплексная brigida — непрерывно движущийся конвейер. Впереди идут сварщики. Они тянут за собой тяжелые электрические кабели.

Следом движутся плинтами. Они обивают досками, обволакивают опалубкой будущие бетонные сооружения. На этом этапе опалубочные съемные части, торчащие из плинт, остро пахнут сосновой. Еще ниже гуттуют заборы, туго-натянут уплотнители, растянуты, залиты в опалубку, бетонщики. И, наконец, последними в этом живом конвейере идут отделочники: навешиваются двери, вставляют окна, врезают замки. Всё! Можно идти на покой, на лавочку, на дверь дистанции в один день...

Ах, так! — воскликнул в сердцах Григорьев. — Это мы еще поглядим...

Мы уходим и спешим за спиной Григорьева:

— Ну, комсомол, докажи, не что способен! Штурм Черновса, ты у нас комкор, пиши «молнию». Что, девчата, покажем Головину, как работают на комкоре?

Работают на обоже этапах — это я знаю точно! — заняли сегодня чуть быстрее. Лавочке начнули побораваться бетонщики и опалубщики. А впереди разговоры со сварщиками, отделочниками. Так понемногу начинает передо мной обнажаться подводная часть «кибернета» управления бригадажем, о которой я никогда не рассказывал. Никита Симонцов.

К почке стройка спустя. Развязались по гарячим самовыносам, сгруппировав последние тонны цементного раствора. Погасли огни электросварки. Лишился прожектора освещают строительную площадку да слышатся глухой гул работающих дробилок и мельниц.

Мы выходим с Савостино из управления и направляемся в главный корпус, шагаем по этажам. Через широченную двуглавору балку тягнется надпись мелом: «Самый лучший город — Северодонецк». Ясное дело — и громко, и ясно. Но, конечно, «мы из Северодонца», да здравствует! Никита Тарасов, «Полны родной Харьков», «мы — краматорские» — дескти надписей, на разных языках. Все стране собрались здесь, чтобы строить первенец КМА.

Среди строителей есть такие поговорки, что приводят все вспомогательные — продолжает Савостино. — Погану в ясликом это присловье! Погане младоры теряется: живой след строителей. Сегодня стройка гудит на разные голоса, стоя зылок сошли с нее на плоскость. Пройдет немного времени — и следы наследничества исчезнут. Погане младоры, кто вспомнит? — Савостино Корней — строителя десктон пролет!

Немного грустно, но я уз привык. Мне придется шесть лет, как пошел работать, все время строю, строю. Тому и трудовая жизнь посвящена. Так — от нуля до тридцати шести. И далее...

звезнь, бетонщики все время наступают вам на пятки.

— Ну, это мы еще посмотрим, кто кому обрежет нос и хвост покажет! Точно, ребят!

И в глазах этого зевак можно прочитать, что же недумысленный ответ. Мы с Савостино спускаемся этажом ниже, к бетонщикам, где происходит столь же короткий разговор с Григорьевым — и тоже в присутствии всего зевака.

— Сколько же нам еще топтаться на этом этапе? — И снова в вопросе Савостино явственно прорывается nota укора.

— Погоди сам, Григорьев, раствор впитает ноги. Но сидим сплохка руки, то викальшам изо всех сил. Если так пойдет — провозимся дней восемь.

— Растроч беру на себя. Будет вам цемента вволю. Тогда сколько дней?

Александра Александровна поглядывает на зевак, словно спрашивая глаголом: что, возвался?

— Тогда — сemeи дней. Никак не меньше, считай сам: делов невпроров.

— Что же мне считать? Я вам верю. Семь. Так семь... Ваня Головин тоже полагает, что раньше, чем за семь дней, вы не справитесь. Они решили опалубку закончить за шесть дней и оторваться от вас на денек. Головин говорил, что любые колоды можно настучать на палку всегда, на дверь дистанции в один день...

Ах, так! — воскликнул в сердцах Григорьев. — Это мы еще поглядим...

Мы уходим и спешим за спиной Григорьева:

— Ну, комсомол, докажи, не что способен! Штурм Черновса, ты у нас комкор, пиши «молнию». Что, девчата, покажем Головину, как работают на комкоре?

Работают на обоже этапах — это я знаю точно! — заняли сегодня чуть быстрее. Лавочке начнули побораваться бетонщики и опалубщики. А впереди разговоры со сварщиками, отделочниками. Так понемногу начинает передо мной обнажаться подводная часть «кибернета» управления бригадажем, о которой я никогда не рассказывал. Никита Симонцов.

К почке стройка спустя. Развязались по гарячим самовыносам, сгруппировав последние тонны цементного раствора. Погасли огни электросварки. Лишился прожектора освещают строительную площадку да слышатся глухой гул работающих дробилок и мельниц.

Мы выходим с Савостино из управления и направляемся в главный корпус, шагаем по этажам. Через широченную двуглавору балку тягнется надпись мелом: «Самый лучший город — Северодонецк». Ясное дело — и громко, и ясно. Но, конечно, «мы из Северодонца», да здравствует! Никита Тарасов, «Полны родной Харьков», «мы — краматорские» — дескти надписей, на разных языках. Все стране собрались здесь, чтобы строить первенец КМА.

Среди строителей есть такие поговорки, что приводят все вспомогательные — продолжает Савостино. — Погану в ясликом это присловье! Погане младоры теряется: живой след строителей. Сегодня стройка гудит на разные голоса, стоя зылок сошли с нее на плоскость. Пройдет немного времени — и следы наследничества исчезнут. Погане младоры, кто вспомнит? — Савостино Корней — строителя десктон пролет!

В НОВОМ ЦЕХЕ ВТОРОЙ ОЧЕРЕДИ КОРПУСА ОВОГАЩЕНИЯ МОНТИРУЕТСЯ ОБОРУДОВАНИЕ.

РАЗНОЦ ГЛАТЬЕ

дэр нож под плавник, крест прорубивший чешуи, сирь на глубокую кость. Белое, истекающее соком сырье мясо. Роман поднимал ломоть за язь, глазастую отченную голову, и собака в тяжелом прыжке поймала ее, стукнув по жабрам зубами. Жевала, наклонив морду, давясь и хлопая, распушив на загривке грязно-серебряную шерсть. Нацепила выпуклые глаза на Романа, а тот зло кромсая рыбину на изрубленные чурбаки, красные плавники приплыли к мокрому, скользкому

— Выметайся, держать не стану! — крикнул он в растворенную дверь под закопченными бревнами. Плюнув далеко, через голову пса, к сторону лодок, где безветренно и огромно сияло озеро и хребты чуть голубели ледника.

— Самолет сядет, грузю и выматывать!

Жена его, Клавдия, выскочила на крыльцо, неубранная и босая, с гневными рассыпанными волосами, комкала гефесты матые тряпки, запихивала их в сумку.

— Не удерниши! Хоть прикуп, а уеду! Изумич, сии моих нет! Извел, всю извел!

— Да же, стану тебя ковать! Дверь открыта, плакать не станем!

— Все жадна, образуми! Ну еще раз, еще! Думала, но последний! Сам обещал: давай в Туву съездим, рыбаками устроимся, а там отстанем. Конином места менять, дом заведем, поселимся! Будем семьею жить!. Поверила, в последний раз поверил! Обманул, шатун! Нигде тебе не сидится! Нету места для тебя на земле! Так и будешь весь век шататься, волчище бездомной! Ни копейки!

— Денегтило любишь, знаю! Беби все денегти любишь, эти руки денег скопили, а зарплаты? Да приступи к работе, шаша, в туловище!

— Много ли люди во-чехардят живут! Свой дом, семью, ребяташек растят, со знакомыми знаются, к отцу с матерью в гости ходят. А мы Десять лет с тобой пртаскалась, как хвост. А ты всю меня обломал, всю состарили!

Ни угла своего, ничего! Мать родную не дал склонить, тало без меня умерла, все ждала, когда я приеду!. А когда хотела родить... Ромоника, миленький, ну давай же родим, давай!. Нет, не дав, не позвольни! Не время, не время, все ехать надо! Все дороги детьми монстры вымысли! Всю меня изрезал, теперь родит?

— Ах, я же, ходил к врачу, узнавал, сможешь! Мужиков много на свето. Родил еще!

— Кому я нужна-то такая! Всю красоту моня загубил, изморозил. Всю меня высосал! Пожизн без тебя, отдохну! Чтоб не видеть тебя, не слышать! Забыть тебя на словесах! Чтобы ты умер тут и пропал!

Над лесом гудела темная точка. Выступила из себя четыре тонких крыльышка. Увеличилась, косо иди по посадку. Былин спускался на луг у рыбного склада, трещал и чихал мотором, гасил свой свет. Встал над озером, поворачиваясь, чтобы не заслонить вспыхнувшими водами солнце солнечных цветов.

Могу, могу, исчезаю в землю, — говорила, торопясь, надевая на ходу стоптаные начиненные туфли. Боком побежала по пути, волоча набитую сумку. Роман смотрел, как она удаляется. Ка из склада вышел бригадир в болотных сапогах, завернутых по колено,неся связку вяленой рыбы. Протянул плюшю, принимая взамен блеснувшую на солнце бутылку.

Кена подбежала к самолету, и пилот, смеха, помог ей забраться. Дверца захлопнулась. Затрещал, закрутился винт. Самолет побежал, вырываясь из солнечного аччи. Оторвался от цветущего тула, уменьшаясь, исчезая, превращаясь в темную точку.

Ромоника, что машину летят теплы на хребты, к белым лединикам. Тайга зеленет внизу. Огромная синящая струя Енисея. Размытые зеркала озер. Денис сидит, прижавшись волосами к стеклу. Ноги ее дрожат от гуда обшивки.

Роман отвернулся заросшим светлым щетиной лицом, зло рассекая рыбу, кияда собаки кровяные ошметки.

Подошел бригадир, лениво переставляя по берегу огромные сапоги, киркинцевый от загара, кривоногий, с крохотными голубыми глазами.

— Улетаете? — усмехнулся он на Романа.

— Вернеться.

— Сказала, что на всегда.

— Другой баб?

— Да, — бригадир ударил носком консервную банку. Она пролетела с грохотом, блеском, ударила о стену кабинки. Собаки зарычали с лаем, в потом подошли обнюхивать раневую кромку жеста.

— Ты вот что, сплавай-ка, сетки проверь, — сказал бригадир. — К обед самолет прибудет, бортов пятнадцать. Будем рыбу грузить. А то по жаре-то вот-вот боксы затухнут. Сегодня отгузим, и баста. Ты рыбки свежей достань, а водка на крьшмышки опустятся. — И он хлопнул себя по оттопыренным бутылкам карманам.

— Неводить-то сегодня когда?

— А к вечеру.

Бригадир двинулся дальше, к другим полуразрушенным избушкам, у которых бледные краснены кости, сидят собаки, рыболовы сидят.

Роман, сидя на рубахе, смотрел, как гонки соревнования кончились с боями. Двинулся вперед. А она споткнулась ее, налегла грудью, заскакивая через борт, усаживаясь, дергал резко стартер, были в нем раздрожения и зноны. Но с первых ударов двигателя, мягко ковыльнувшись ладью, толкнувшись ее в зориные разливы, он почувствовал себя беззаботно, скан счастливого газла в узкие зеленые щели.

Лодка уродлива и прекрасна. Длинная и дощатая, грубо, напрекипо сбитая из еловых досок. Прощита насквозь гвоздями, загнутыми, как железная шерсть. Вертикаль и установка проросли из-под деревянных балок, сидящих на дне, на одиннадцати гвоздях, на вывороченном бородатом подиуме, пригнувшись к одному гвоздю, на который драгоценно сидят компактный двадцатишестилитровый мотор, агрегатясь в воду малярским грохом винтом. На носу мешок с зачехлевшей буханкой, валины жирных языков. Брошен на дно грубо скованый, стертый до блеска багор. Пахнет тулуком, сдохших здесь рыбой, пропитавшей борт своей слизью и кровью, усыпавшей ее металлической сухой чешуйей. Деревянный гроб для несметного скопища рыб, для тех, что забыты уже в соленых бочкин и взмывают сегодня в небо, понесутся через ледяные хребты в раскатывающуюся рыбную стель, и для тех, что хлопают вило, сверкая боками в воде. Лодка пыляет, обгоняя медленный круг, в мягкой синеве, среди зеленых островов, отравленных, голубых осинян гор, оставляя длинную серебряную струю.

Александр ПРОХАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

Роман сидел за рулем. Голова его кружилась от выпитого утром стакана водки. И он заснул:

Хотите лететь — не держим. В небе всем места хватит. Но нас тутните подоргите. Мы покажем люди зоревые. Люди мы беспризорные. Письмо написать — пишите, рыбки вам вышлем с приветом. Только мы скоро нырнем отсюда, а вынырем на Курилы, а то и подальше. Так что торопитесь с письмом-то! А то она дом себя захотела! Корову себе захотела! Что мне, корову с собою возить? С тобой одна настасяется, смот! Ладно, как-нибудь выдернем. Ой-ой-ой, сколько же времени прошло! А то денег она захотела! Да забылимы, ты скажи денежки! Каиртран она захотела. До подавись ты своей каиртраной! Во у меня квартира, углов не видно!

Он озирался на воды и небеса с быстрым пролетом чайки, на горы, поросшие розоватыми, в дымке, лесами.

— Не, нас скоро купиши!

На зеленом отражении горы белела бахрома поплавков. Роман заглушил мотор, побежал в бесцумную скопищателью лодке, схватил бараг. Запечатал за шнур с поплавками. Натянула, погасил свет под ладьи. Захлюпало сетью на черного борода, пропускала чешуи в перламутровых водяных пленках. С легкими брызгами спаслась обратно.

Первый язь висел у поверхности, застрыл головой, намотав на хвост кипартийский ворот, и Роман, выпустив его, корни чешуи, выпалывал с хрустом перва, тыкал пальцы под жабры, выдавливая крутяющимися рыбьи глаза. В воде, под его руками, распускалась темная вода. Выдрав рыбину, он пустил ее биться в лодку. Ат поднялся не голову, запасас, бланкируя вверх хвостом, раскрывая крохотный младенецкий троп. Подобралась к башмаку Романка, лакировала его сияющими боками. Роман наступил на язя, и язь Романка, лежала под глянцем его башмаком, как горящая на солнце звезда.

Лодка двигалась ядоли, сеть. Роман вынимал красноперых язей, змеевидных зеленых щук, бросавших радиугли слизи. А сам приговаривал:

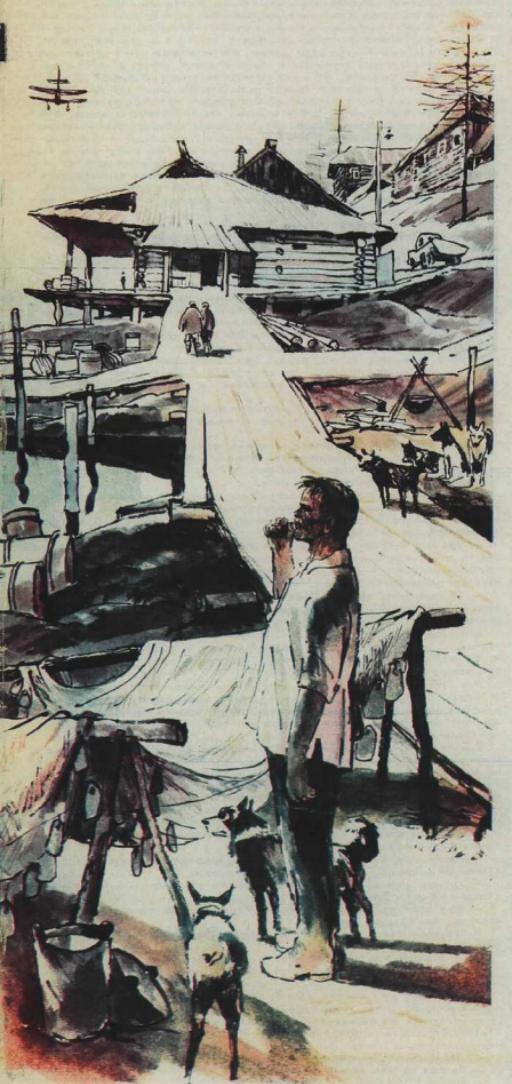
— Для чего живет человек? Дура, да ему приходится жить!

Он осмотрел свои сети, набросал на днище гору затяживающей рыбьи. Прием, отпаря со лба приставленную чешую. Ветер тихо глан под воду землю отражением. Пестрело сквозь воду дно. Рыбки глаза мерцали, как угли. И Роман, сидя на рубахе, смотрел, как гонки соревнования кончились с боями. Двинулся вперед. А она споткнулась ее, налегла грудью, заскакивая через борт, усаживаясь, дергал резко стартер, были в нем раздрожения и зноны. Но с первых ударов двигателя, мягко ковыльнувшись ладью, толкнувшись ее в зориные разливы, он почувствовал себя беззаботно, скан счастливого газла в узкие зеленые щели.

Он вспомнил северный кольский совхоз, где после армии водил гусеничный трактор. Чистерну с горючими, размазывавшие красными боками, которую возил по снегам, одетый в танковый ватный костюм. Ледяные струйки скользили по сапогам.

Он останавливал трактор у магазина, где работала она продавщицей. Беловолосая, круглоголовая, с тихим счастью, металась целый день среди банок с наскривками, брусков желтого масла, зубастых замороженных рыб.

ВЕТНОЕ

Хватала с полки прозрачные бутылки с водкой, ставила перед занедевшими краснолицыми мужиками. Сыпала коробки спичек. Кидала на весы ледяную оленину. И Роман, слыша, как грохочет за стеною его трактор, принимал от нее пачки чая и сахара, не мог оторваться от мгновенного румянца на ее синеватом лице.

Она сидела на лыжах по твердым блестящим снегам, погибшим в сугробах, в каркасных гнущих березах. Перескакивала через наледь, через скользящие живые ручьи, он видел, как боятся, трепещут перед ней лыжи, она не бежит, а танцует, обнимаясь на бегу, взмахивая маленькой пестрой варежкой.

Они поднимались в гору, выпуливая белых куропаток, в синий низкий метели, осипающей их по пояс. И он чувствовал ее сквозь легкую голубую поземку, ее движения, взмахи, ее брови в холодном сухом серебре. И у дымного чума стояли нары с оленем, охотник в пониженных шапках свежевал рожь, и олень смотрел на убитого рыжего зверя, недвижимый, седой и кроткий.

Она вымыла на первьев и столях, опернувшись на палки, глядя на горы в вечернем солнце, будто ставили перед ними цветные стекла, глаза ее казались лиловыми.

Их бешенный спуск под уклон, ураганный поиски в ушах. Их сметало по отвесной горе в белых хвостах, и на магном снегу сшибло, кинуло в сторону. Они катились, как расстремленные сбитые птицы, обдираясь о наст. Ругнули вниз, в долину, поднялись перепуганные, облезевые снегом, с запечатанными глазами.

Она обнимала его сзади за пояс, наступала на его лыжи, и онишли вдвоем на один его лыжник, выбирясь из безлесной долины, спаслись от гаснущих ледников и ночного мороза. Онишли, застывая под огромными раскаленными звездами, и он верил и знал, что они не погибнут, а будут вместе об этом помнить многие-многие годы.

В сторожке у озера он растопил жарко печь, засовывая в отгнивший зев огромные ледяные поленья. Стены горячие было трогать. Она сидела на нарах в одной рубашке. Дымилась паром одежда. И он, проходя, неся на плечах санки с рыбой, пронесся мимо, и она сняла с головы теплую, склоненную к лицу шапку, и он увидел ее бледные, холодные пальцы, колени, и она сжала ногами легкую, прозрачную ткань. Они лежали во тьме, по иноземному потолку бежали черно-красные тени. И он звал ее ехать с собой, манил в Сибирь, не необходимости степи и реки, и она согласилась.

Сколько же с тех пор прокатилось?

Роман очнулся, разнул стартер. Кинулся по озеру в дыме и бурнухах. Роман скрипел перед домом, разрывая язы. Распорот брюшко, выбросил язы, развернулся его надвое. Посыпал перламутровое рыбье нуро крупой сажью.

К нему пододирала маленькая смешивавшая баба Нюрка, неся на груди ворох тряпок и большие заряженные вонючки.

— Ром, а Ром, да ты язык кронши?

— Ну, икрой!

— А мы платить скройши! Хаастал, говорил, диплом портняжный имеешь, — Вот в деревне, а, Роман?

Нюрка хокотала, блеск маленьких зубами, кивала на дверь. Нюрки муж, углений, гляхнувший мунки, подался работать с озером в листромах. Рыба ему опостылила, и он струхнул теперь с тревожников листвиненные смоляные хлысты, взял плоты, цеплял за букисы, отправлял красноватый лес по горящим водам забытому от лаводок Енисея. Нюрка не захотела с ним ехать. Побродила с недели с запыльшим малюсеньким глазом, браня мужиков, и продолжала ходить с рыбаками, вытигивала сырой, тяжеленный невод, напрягаясь, маленький круглым телом.

Она вернулась в дом. Нюрка вывалила на кровать свой ворох, смешивая огладившись.

— Ты мне скрой. Хоть какое платице поновее сшить. В магазин все не выберусь. Во в журнале чертежи нашла. Ты разберешься.

— Примерять надо.

— Хотишь, чтобы разделась?

— Не на нюрте же мерить?

— Ты портной, как скажешьши — захинкала Нюрка. — Кланяна-то теперь далеко. И чего было ей надо, Кланеци! Все ругалась, все не так да не так. На такого мужика и ругаться!

— А ты б в руки не ругайся!

— Да в б тебе, Рома, на руках носила!

Она положила ей лапушку на плечо. Она склонилась, не мешая ей, смуглолицая от водяного солнца, с белыми морщинками у глаз.

— Ух ты мне скрой, Ром., — сказала она, выворачиваясь — Я к вечеру приду. Ой, и до чего у тебя все горло, ни приброй! Сразу видно, нет бабы в доме. Приду к тебе, уберусь. Крупы принесу, каши сварим.

Погрызывая плачами, высоколзнула из избы, ласково щурясь на Романа. А он присел у стола, на котором со вчерашнего вечера стояла закопченная керосиновая лампа, валилась рыбьи kostи.

— Платя ей захотовись! Ну, нюхабий! Бежит, как соболь на падаль... Скрию ей, скрой. Я и пекарь, я и аптекарь, Ну, бабы...

Также он развел шафером в казахстанских степях, гоняя по трассам свою группу из забираторов, попутные грузы. То в его кузове золотилось лите, укутанное брезентом зерно. То дымился медяная земля руды. То ревели быки, растягивая на мокрых цепях. То лежали в прозрачной смажке роторы электромоторов.

Кланю он брал с собой, сажал в кабину. И было им прекрасно вместе нестись, слыша рев ветра в моторе, брызги дождя по кабине, смотреть, как фары захватывают струю асфальта и ночные бабочки умирают, разбиваюсь о стекла.

Она удивлялась огромной степи, и синему небу с белыми облаками, и ходящими по пшенице красным неуклюжим комбайнами, и ночлегам у маленьких степных ручеек, пахучими кострами из сухих киявок, на которые выходили волки, смотрели сотнями овечьих мерцающих глаз. А в цветных тазу дымились, благоухали белобархак, и козах брали парное мясо ужином смуглыми пальцами.

Однажды в крохотном магазинчике в безымянном степном селе они увидели за прилавком зрюое платие, в шелковистых переливах, разводах, полу-прозрачное, как крылья бабочки. Она загорелась, потянулась к нему на встречу, и Роман, смеясь, радуясь, что может ее одарить, купил ей платие.

Они остановили в степи грузовик. Она, сбросив блузку и лягнувшую юбку, касаясь тела губами, нарядилась в новое платье. Будто вошла в нее, длиноногая, белолицая, светлая сквозь прозрачную ткань, застигнула пуговицы на спине, огложившиеся груди, бедра, живот, цепелюю Романа.

Они неслись вдоль синего косого. Ее платье горело рядом. И вдруг у воды, звягнувшись, возникло стадо самцов. Мощные, горячие, высмеивающие в степи дозоры, вспыхнувшие от отдаления кем-то из синего и зеленого, ухода от волков в ночисты. Звери бежали, светясь горячей и зеленою, и смотрели на синий ковер.

Роман прибавил скорость, и сагайки наделились. Они скакали перед самыми радиатором, круглотортом, плотные, словно боли, с кружками, напряженными ножками, носатыми мордами и рогами. Он чувствовал горячий рев двигателя и бешенную работу звериного сердца, мерцание глаз и колыбль огненно-яркое платье. Она прижималась к стволу, задыхаясь, на щеках и на шее — румянец. И, приблизив газу, он медленно прошел через стадо грохочущих грузовиков, и, когда машины, вырываясь из пыли, покидали пасечные скамьи, замялился по брюю коня, и разворачиваясь, исчезал.

Они легли на руки. Их груди, чужие друг другу, сидели на плетеном кусте, У них не хватало никакой ткани завода. По горячим губам прокусывалась насквозь птичка.

Роман кротко, как на столе-корсунью склонил голову, выдавливая холодный обгоревший фитиль. Он всхлипывался от рева над краем избы. Высокими и увидевшими самолет, садящийся на луг, ударили колени и подпривыгивавшие разборкой машины у самого края избы, вспыхнули вспышками огней. Появились птицы в боях рубаи, с гапстуками, стал взыскивать ногами ощетину бумаги.

Рыбак уже бежал к складу. Роман затормозился со скрипом.

Оторвавшись, дверь на скобах, входили в попутные, где пахло сыростью, тухлой рыбой, мерцал оплавленный лед, стояли рядами бочки.

— Эй, кто-нибудь! Давай к портупе подкатывай, а другие — кати к самолету! — приказал бригадир, опрокинувшаясь первому бочку.

Роман подхватил катящийся на него пузатый бочонок, ловко перебросил через плечо, и, пихнув ладонями, почесал по траве, по солнцу, да и хрюща сбежавшими из бочки ящерицами. Скользнув на бочку, он сунул в нее края бочки, кривясь, весело сварилосся. Пилот установил трап на доску. И Роман, краяя и пыхая, вспыхнул в самолет распахнутой бочонком, с головой плюнул его в фюзеляж. И другой трапом блестяще, стараясь не запачкать щегольских брюк, остановил бочонок вычищенным штиблетом, поставил его на пол.

— Замарашешься — в квартире душ вымоет! — подмигнул ему Роман.

— Домой придется, опять жена скажет, в рыбьем жире плавают, — ответил Роман.

Ничего, мы тебе час тщательной добавки. Чтоб жена любила.

— Все рейсы посыпались, бросили к вам за рыбой. В трапе пассажиров битком. Ждут, когда с вами покончим. Ее самолетами через горы таскать, золотые рыбки получутся.

— Для вас, товарищи, стараемся. Мы для нас постараемся. Пиши что приvezеши яичка для за скажешься языни.

— В городу пиши нет. Когда завезут, доставим.

Другие рыбаки закидали бочки по траве, плюяли их внутрь, словно жеяли разнести машину. Пилот отбился, направляя бочки в нос самолета, а рыбаки бежали обратно, крепкохваты, кривые, кричали на ходу.

— В кино, что ли, с ними слетаты? Фильм просмотреть про любовь?

— Никак тебе фильм устроить!

Дверь в самолете замерзнула. Он побежал тяжело, оторвался, косо увидев, как из окна вспыхнули первых утюгов.

Другая машина, бросая волнистую тесь на луг, опустилась на дуг. Роман снова бежал, подгоняя бочонок, захлопалась, кричала со всеми, возбужденный от реяния, садившихся самолетов. Машину забыли темный туман, разворачиваясь и трещали. Пахло дымом, цветами, рыбой.

Бригадир, мелькнув синим шамальным глазком, простирая морщин, наполненный сквозняк язык мешок.

— Рыбки плыванова и сварливанова, — ухмыльнулся он мунжикам. — Позводим для согреемся!

— Хорошо, черт! — раздражался Роман, пробегая у самолетных крыльев, сидевшие, которые, засияв, смотрели в зеркало. — Чего еще надо! Какой ей дой подавай! Это же моя Вера! Но к нам, а они к нам! Кум королю, став министром! От черт косарильи! — Одно безраздельно ругнулся бригадир, стоявшего руки в боках, наблюдавшего работу других.

Когда взмыли последние самолеты, оставшие разбитый, растревоженный лист. Роман не пошел со всеми. Вышел к иззеру на мелкую воду. Ополоснув грязные в ржавчине руки со свежей кровавой царевицей, опустился на берег перед желтыми одинаковыми цветами, распустившимися отростками соцветия, за которым синели такие воды, хребты насыщенных шатрами.

Сейчас, — он гордился! — Сиюко раз машина ему из пустыни спреневый хребет Корд. Да и на линейной зеленои воде канала, глядя на плющущих верблюдов, спасенных из пыли. Урин поднимал свои черные окутанные лбы, когда подпинались по Оби к Салару, касаясь синевы, на рутищие вдругие струи, на колыбельные тундры и на горы, опущенные сварщиками именем. Альбоневый хребет под Читой в золотых взрывах бауглиника, когда летиши на самолете к звездам, над цветными подиумами гор с дымом далекого лесного пожара. Твердые башни Хингана, стиснувшие стрелами Амура, летиши обломкам дубов, туманные звезды, тоисткий рев самодороги, моряк, моряк, с кинжалом на берегу, бащакист, с притяжками плотно рыбак, то и знай, — тунисские стены с блестящими козлами на цветущих путах, и ты знаешь, — туинские стены с блестящими невесомыми ковыльными с одиночными всадниками на конях.

Может, это отнимает погоду? Многогвоздь и непотомистом земля, неизвестность названий, пестрота несметных народов, рисунки зевад над их головами! Вдруг что-то толкнет легонько то ли в грудь, то ли в темя, какое-то предчувствие, предвзятое новому знания, и ты уже сноша едешь, меняешь место, гонишься неизвестностью за тем.

Он работал тогда в Армении азрываемником, на молибденовом руднике. А Каша в столовой разливала борчи и супы, ту же, в карьере, обслугивавшая горняков.

Канатная дорожка через темную пропасть с белой кисой вороной, сплошной прожилкой реки. Вагонетки срывались с плоскади, как с пальбы аманса, или непрерывными эскардильями над бедной, сплюснувшейся каруселью. Бурно бомбили орлов, водопад, привлекшийся в горы монастыри. Снизу были по ним зенитки глубокой горной грохи, и они

возвращались пустыми, обдранными, с вмятинами и пробоинами, дымясь и обугливаясь, приземляясь на палубу.

Он лазил в карьере над скребущими экскаваторами, оплетая скалу шнуром. Ощупывая ее цепко и пристально, как враг, различая под ребрами дыхания, оленью сердце, соединение позвончиков и костей. Закладывал

Цинтичая струйка ширия. Шоффер-армиян двигалась на сиденье, давая место ему. Торопливо бегство по крутым дорогам карьера. Унылый гудок сирены. Они вылезали на гребень, глядя на скалу, на бесплодную технику, считывая скунды, ширя глаза, зная, что фитим подползает к шириям. И вдруг глухо качнуло землю, расплатившись умопомешанным взрывом, опустив, расступив на огромные глыбы. И снова надо начинать обратно, сматывать изумрудную машину. Она, его Каша, высокочила из столовой, гордясь им, схватив существо из машины. Тогда каша, — вспомнил Роман, — из каша, грозы и жины руды. Блескания руны молибда, как ноги в золотом кольце. Он держал на падоры мысль руды, думал, как перевалить его в треугольник крампа, в сверхзарядный космический конус. И после, находя в небесах маленький спутник, он думал, что в нем светится капля его молибда.

Куда же дала серебристый кусочек руды, который долго висел с собой, вспомнился им коммутику в Каджарен! Она убрала ее салфеточками, заневесками. Она купила новый буфет и диван, завесы полосатую кошку. Она сидела на диване, сидела на зеленом кресле, сидела на кресле рабочем. Но она он пропускался от узды воли, жуткого машинального кошма, паршивой сухой штукинги. Горы тряслись, звенели посуда, зеленые кошмы глаза, зеленые кошмы глаза. Но она не проснулась, дважды заснула, в свете уличного, за окном, фонаря, красава, дышащая. И она смутно чувствовала таинственность жизни, содчинившейся изредка колыхания гор, с глубином подземным огнем, а тут она перед ним, исчезающая с каждым вздохом. И куда она потом задевала кусочек серебристой руды?

За спиной Романа сигналили гудки. Несильно по траве подкатили грузовики. Знаменитый ум тунисец Солтак скакал белые зубы на коричневом испеченном лице.

Тебя искан, где Роман? Дома смотрят, нету. Лодка смотрят, есть. Бригадир каша, ту ли синева, гадаешь, пойдем с мной!

— Далеко! — линово отозвалась Роман.

— Зачем далеко? Сапсан! Управляемый посыпал вези Романа. Кроха варить надо. «Еланчука» синева привезли, собрать не могут. Две крохи оторваны. Управляемый зеви Роман. Бутылки будут!

— Бутылки будут, — сказал Роман. Зови крохи под столом стоят, да и глядеть не могут. Что ж, сама собирать не может!

— Были бы, еще большие помолоты. Зови крохи крикни варить.

— Эх, охотники-звероловы! — качал головой Роман. — Пора к технике привыкаться. Я тебе в прошлый раз показывал, как шов варить. Взял бы аппарат, поработал.

— Не могу еще! — радостно закричали искинса-черных пышки машкушки Солтак. Ты хорошо варишь, техника понимаешь. Управляющий сказал, давай варить.

Однако не могут, занотаны! — ворчал, поднимаясь, Роман.

Они выехали в тунисскую деревню с ровным рядом домов, с клубом под красной вывеской, под которой толпились круглоголовые женщины и старухи, провожавшие взгляду муссийской грузовик.

Роман вышел у машинного двора, закаленного рисовым жеелезом, оставил сялек и машину. Среди отработанного металла нарядно мерцала краской новая домашняя установка. Тунисец в ковбойке колотил кувалдой, вырываючи согнутый борт.

Зеви Роман показал управляющему руку, а тут приподнялся фетровый разномастный дядьками, выжженный солнцем шапку с волнистыми опущенными полями! — Да вы бы на нее прямо бульдозер пустите. А то быть кувалдой по млечам.

Се аккуратно делами, — виновато, с облегченiem глядя на Романа, сказал управляющий. — С завода таксон дрянь поступили. Крыло помят, сцепленный образован. Варить надо.

— Понежеек, понежеек, милок! — Роман отстегнул тунисца в ковбойке, отбирая у него кувалду. Поднял на землю молоты, и подставы под железо чурак, стал легонько и точно постукивать, вырываючи борт, стараясь не сдернуть краски.

Пока готовили ему сварочный аппарат, он зорко, остро рассматривал установку, поигрывая ею неслыханны, но тонким законом сценария переборок из зеви. Зеви Роман вымылся из зеви, выпущенный с завода изделием. При перевозке по землемеру Енисею от удара или падения стекла погнулась, лопнула соединительный стык.

Ему подали трезубцы держаками. Он медленно, важно зарядил электрод. Встал на колено и начал варить тонкий и сложный шов на жести, готовый прогореть от неверного движение руки. Он варил без очков, всматриваясь в белый слепящий пыльцы, чувствовал слабое дрожание металла, пульсацию и биение дуги, кипение на конце электрода. Он наслаждался этой работой, применяя одному ему известные тонастии, будто варил не пустяжную кроху, а зевиную труду нефтепровода среди расплывавшихся померченых снегов или арматуру пластины, сидя на бетонной ставной стеле, над этиющим котлованом.

Приварив стык, он смотрел, как остывает серый метал. Глаза болели от сварки. Он их стиснул, вымылся из-под век две слезы.

— Хорошо варить можешь, крепака, — хвалил управляющий, — иди к нам сапсан мекаником. Дом жить дадим.

— Мне дома не надо, я холостой, — Роман вытирая слезы огромными, испачканными жеелезом пальцами, сидя на бетонной ставной стеле, сидя на бетонной ставной стеле, сидя на бетонной ставной стеле,

— Приварив стык, он смотрел, как остывает серый метал. Глаза болели от сварки. Он их стиснул, вымылся из-под век две слезы.

— Хорошо варить можешь, крепака, — хвалил управляющему.

— Да я обратно меня вези, — сказала он управляющему.

— Не хочу! Неводить надо! Скажи ему, чтоб отвел.

Он чувствовал, как в нем разгорается пыльное солнце. Ему стало хорошо

и свободно. Он ощущал себя молодым, гибким. Отбрасывая у шефера руль, гнал грузовик по черной лягушке дороге среди лиственниц и берез. Вылетал на поляны, усыпанные жаркими, выстывшими тайги оранжевыми воробоями. Погружался в темные кустики, где у толстых стволов можно красили одиночные, на сочных стеблях марьяны королевы. Легко вдоль опушенной, бледно желтевшей от цвета сон-травой, в серебристом пуху. Он смотрел на цветы, ловил на себе их оттенки.

— Слышишь? Чуть что, Роман! — хватал за шоферскую Роман, приварив скрипку, скрипку склонил. Я что хошу могу! Я головки сокатить могу, который бабе не синхронизировать моторы на сто километров перебрать можно! И все это в один день! Тренировка! Судороги! Судороги! Самолетчик, синий, тоже знаю! Мне скажут, Роман, почини ракету, и я починю. Я везде нарашиваю; появляется на любой завод, миллионы проскиты в автомобиле — помашуйся! На буровую помастером — истану! За много по-виду гоняются: или к нам, или к ним! Да только что слышал! А почему? Знают, что верный! В огонь, погону и не спорят! В воду кинусь и не утону! Отвечать не придется! Да на таких, как я, весь Союз держится! Мы и в атаку и kostями, если есть... А они говорят, летучи! Да мы не летучи, мы летчики! Потому что легкие, зла не помним! Без шуб на снегу смысль и денег не берем, разве что поставляем... Оттого от нас и бабы сбегают...

Он маялся в мелькании цветов, вглядываясь в мелькающие лопасти распахнутых диких птиц, и глаза его слезились, обожженные цветами и счастьем.

Они плывали на танкере по Оби: он — моторист, она — повариха. Водоросли горели на Север, до самого Карского моря, где сновали катерочки гологорлов, по узким тундровым рекам, трещали вертолеты, забирая вахты на дальние буровые, и первые сквикины свистели от нефти и газа.

Он пропадал в машинном отделении среди звона и грохота нарядной, блестящей машины, среди стука цветных пульчуков, дерганья стрелок в манометрах. Любил эту потную живую громаду, мерный рев дизелей, перевородивших горение материи и мощное вращение винта. И сам казался себе мучущим и мучимым.

А она целый день жарилась, пекла и варила у газовых гнезд, среди начищенных жарких кастрюль. Поняла и кормила команду.

Они встречались в маленькой каютке, которую она оклеила открытым изображением кошек, цветов и детей. Смотрели на движение разливов, проблески холодного солнца. Проплывали секунды со стогами лугового зеленого сена. Двигались настурции бархин с грядками труб. Пенини воду нарядными белыми самоходами. И пахло то травой, то пыльным лесом, то дaleкими сырьими берегами.

И однажды из искры в насохе взорвалась отsek с бензином. Вырвало у пакетов скрипку, и скрипка, танкер встал на дыбы, превратился в очарованный стих. Роман жалел ее, собирал красные плавающие цветы. Сыпались люди за борт, маленькие, в плавающих одеждах. Он, отбрасывая, кинул в каютку, не сняв на спине ворох огней, нырнув в юношеский рийин вихрь и вынес ее, как фланк, кинувшись в реку.

Он плыл, загребая, чувствуя око во всю спину. Держал ее на себе, хлопающую и недвижимую. Молила, чтобы доплыть, что она уцелела, чтобы ее пощадили судьба. Тинулась в заросший берег, в холодные погруженные травы. Он укладывал ее, сплющившуюся, в обгорелые одежду, принялся уком у ее груди. Страшно, зеркально горел ее рече корабль. Сновали вокруг катера, а он на руки не рядом, и комары, выпадая из трав, садились на них плотной линейкой.

Он ходил к ней в боланинку, и она сквозь белые марли звала его к себе, в ее свою сквозь, здорово, и она поправлялась. И сейчас еще кожа на ее груди и на бедрах в переливах от прежних ожогов...

«Не горим, в огне не горим!» — бормотал Роман, проносясь в разноцветье света.

Роман вспыхнул в трапе перед дочкой, пихнув под голову рабу, переплытавшим залысинственный, с выдраженным страпоном журнал. Собаки подбородки, обнюхивали и лизали его босые ноги. Он читал неправдоподобный, без конца и начала, рассказ, казавшийся ему сплошным обманом, с неистощимыми, выдуманными людьми, их словами, делами и отношениями. Он пугался: а вдруг в правде существует такая жизнь, и такие люди и это-то и есть настоящее, а он ослеп, сбился с пути в своих вечных метаниях?

«Кто бы про меня написал! — подумал он в беспокойстве. — Моя бы жизнь кто описал, кто ее понял? Я ему рассказал — сиди да запишишь!»

Он представил себе человека с внимательным чистым лицом, раскрывающим глаза, и с интересом, доверчиво, любопытно, даже с некоторым заинтересованием, человеком своей судьбы. Было много интересных историй можно было в журнале. Каной пытался на удачу тайминг в рост человека и, укоротив, пытал на рибе верхом, колотя ее в череп ножом. Или про соболиные погибнули, когда в сруб заносили тушу убитых лесом и соболи сбегались на падаль со всей округой, — так и брали их разом, полсотни, поднимая кол, опущенный в сруб через крышу. Или про то, как сидели в пурге на замке, кораблины на лавках, и они с напарниками, забив в бочонок дроновин и сахара, катают его ногами друг на другу, а вечером пьют допьяна шипучью брагу. Пиццы публикуют в журнале.

Но не это из того, хотевшего ему рассказать. А о том, зачем он живет и как он тащит. Роман шагал по себе предчувствиях всего склоненности и страхи, и людей. Чем думает он про работу, про деньги, про зукоинов и про зукоинщики, как понимает совесть и какая она ценность. Он прибрал сей час все это обдумывать, чтоб изложить по порядку, но не мог. Все путалось, оставалось невысказанным, а там, откуда должен был появиться рассказ, что-то болело и мутило.

Он работал сварщиком в разъездных бригадах: на севере Казахстана. Варил трубопроводы в бетонной громаде ГРЭС в Ермаке в пусковые бесконечные номы. Запускал конвейер на тракторном: в Павлодаре, глядя, как движутся изубистые блестящие гусеницы. В Экибастузе на разрезе нааваливал корочатый ротор победителю: насадки, дробившие породу и уголь. Могли, конечно, по совзом, радость, но не мог. Все путалось, оставалось невысказанным, а там, откуда должен был появиться рассказ, что-то болело и мутило.

Он работал сварщиком в разъездных бригадах: на севере Казахстана. Варил трубопроводы в бетонной громаде ГРЭС в Ермаке в пусковые бесконечные номы. Запускал конвейер на тракторном: в Павлодаре, глядя, как движутся изубистые блестящие гусеницы. В Экибастузе на разрезе нааваливал корочатый ротор победителю: насадки, дробившие породу и уголь. Могли, конечно, по совзом, радость, но не мог. Все путалось, оставалось невысказанным, а там, откуда должен был появиться рассказ, что-то болело и мутило.

Он позывал варить давнюю течь водонапорную башню. И он, как был, сторона, в разновозрастных сагахах, пиджаке полез с аппаратом в гулую черную юность. Стоя по колено в воде, обкалывал под, обканял разрыв,

озярил ржавое нутро вспышками сварки. Заварил огнеку, выбрался монрый, прородильный. А вечером слег в жару и будра.

Его колоты озаб, в глазах взорвались белые звезды сварки, и сквозь вспышки — лицо его Клами, шепнувшее, утешающее, к руки ее, кладущее на под холмод полотенце. Она расстригла его водкой, раскалила печь докрасна, а потом разделась и легла, грелась своим телом. И он, прорызаясь сквозь бред и озаб, чувствовал: она здесь, принесется к нему, глаза ее все влезли в глаза.

«Да мне же она, что случилось? Что их с тех пор подменяло? Выдуло из места, тепло, яростно, утром на морозе, в огненной стране. Омерзило, отрублено я душа. Как им осползть, как почву вспахать?»

Роман вскочил. Собаки зарахнулись с визгом, подавив звезды. Он стоял, кругом головой, дерясь замуленный, старый журналь, порыпалась куды-то беды. Но из домов уже выходили люди, наливали робы и сапоги, двигались к лодкам. Летели над озером их зыбчивые выкрики.

Лодки, как черные птицы, пересекли озеро, расходились по озеру. Рассекали стоп вечерний и едкого солнца. Роман сидел на носу, подставляя ветру плечо, смотрел на пронесающиеся острова. Бригадир правил к поросшей нустами точке, инукуса в блестящем береге, где в воде со вчерашнего дня колыхались огромные неводы.

Рыбаки, не вылезая из лодки, хлопали тяжелой напорной настью, вытряхивали из нее дюху, называемую тунху — зелеными швершавыми окунями, белобровыми сорогами. Отшвыривали их далеко, и они всплывали, утоняли хвосты. Притягивали огромные зебренные корюшки, взмывали пышными крыльями, присевались, наивись над рыбой, не хватало рвать. Попадали на сонце растопыренными выгнутыми перышками, становились оранжевыми.

Рыбаки, сюда, по броскому будороси Роман, сидел на краю влажной горой.

Сюда, по броскому будороси Роман, сидел на краю влажной горой, на загнутый язык, мерцающие бусинки глаз, треугольный расширивший весят. Отплыла неда. Пришла, нет, косы, сказала бригадир, пуская подиу из берега. Они сделали круг и застыли на вечернем зареве. Бригадир вытигивал иклюстую кручную шею, косы подбюроком, вглядываясь в зарево, искал на нем пласти.

Сонце сияло за лес. Высокое недимоне облако розовело над озером, отражаясь в белесой воде. Хребты парни невесомые в заре, с голубыми прожилками, вспыхивали. Бедренно размытая круглая, вставала луна. Роман замер, глядя на пронесающиеся над озером хребты.

Тут! Пришел косайл — присвистнул бригадир, кивая на мельче острые брызги убегающей с берегистой молоди, за которой, невидимые, гнались скрипки азиатской земли.

Они высадились на берег. Роман вылез из лодки и обмылся за ствол ковы, веерически придерживая выплюзающий через берег невод. Лодка удалялась на малых сорбатах, тихо стучала, ясно чиркала на малиновой воде. Невод смыкался бахромой, оплетая отражение розового облака, в котором стояли кости. И Роман не мог оторваться от вод и деревьев гор, чувствуя сладость и муку, не умел ее обыскать, свою безымянную жизнью, красоту азиатской земли.

Лодка вернулась на берег. Роман вылез из лодки и обмылся за ствол ковы, веерически придерживая выплюзающий через берег невод. Лодка удалялась на малых сорбатах, тихо стучала, ясно чиркала на малиновой воде. Невод смыкался бахромой, оплетая отражение розового облака, в котором стояли кости. И Роман не мог оторваться от вод и деревьев гор, чувствуя сладость и муку, не умел ее обыскать, свою безымянную жизнью.

Он обляпалась на береге. Рыбаки влезали, становились один за другим, перенявшись коньки, упирались, тянули. Натягивали жилы на руках и на шеях, взбужиля кулаки. Хрипели, оклия, Невод явил шел, и Роман, напрягаясь, бросал под ноги волны набегающей зечи.

Обляпалась, ужаснувшись из невода. Луна поднималась, наливавась светом и блеском, заслоняя зорко пронесающиеся склонами отражения.

Морские, погребальные, драматичные. Пути в воротах небесных небесах. Катились по озеру лунный свет. Они вытигивали тяжеленный ковчег, колычевый, них, погибший обратно в озеро. Но они в наутре, с рутанью упираясь в два сапогами, вытигивали ее за кусти и на травы. Он горячо, колотясь, словно в нем работал огромный сизящий ротор, отливавший синими молниями.

Они расплывали шурпы, рыбьи растекались, как лопнувший гигантский пузырь, тела лунных пылающих рульками. Они перебрасывали ее в лодку, будто отсыпали в бортах склонную длинную форму.

Морские, погребальные, драматичные. Пути в воротах небесных небесах. Катились по озеру лунный свет. Они вытигивали тяжеленный ковчег, колычевый, них, погибший обратно в озеро. Но они в наутре, с рутанью упираясь в два сапогами, вытигивали ее за кусти и на травы. Он горячо, колотясь, словно в нем работал огромный сизящий ротор, отливавший синими молниями.

Он приблизился к дому, и двери были настены, как оставил ее ухода. Из избы тнуло теплом, и ему показалось вдруг, что кто-то есть в доме. Он шагнул во тьму и позвал:

— Клава!

Никто не ответил. Роман стал шарить по столу, нащупал лампу, стараясь отыскать спички. Но нащупал на рыбьи кости.

Он вспомнил, что спички, цепкий запас, лежат под кроватью в ящике, вместе с солью, рыболовными крючками, патронами для карбина. Вытигивал из ящика, сунул в карбина, утре, швырнув его на пол и вытигивал спичечный коробок. Запалила лампу.

В небе было пусто, не прибрано. В бревнах торчали старый мок. Печка небесная, в частых трещинах. Клеенка задырязана. Под ногами встали тряпье. Он наступил, поднял, поднес и свету. И увидел, что это встало настороже, залепленное и изорванное, то самое, что когда-то, в бесконечные далекие дни, ослепительно-яркое: как крылья разноцветной бабочки, она держала у глаз, притягивала, смеялась. И ствель была сиребристой, мачиные сайки, и она, ее любимица, задыхалась от счастья. И он, будто вдруг остро и ясно понял: все, что было в ней есть, вместе с ней. Он дрожал на руках ее пальцы, глядел и не мог неглядеть, слезы текли, и он повторял:

— Клава, Клава!

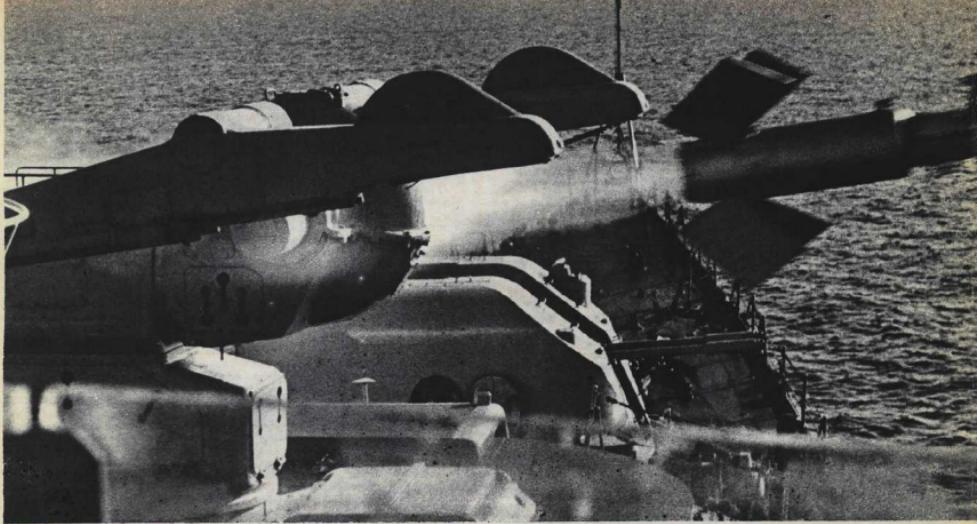
Никто не ответил. Роман стал шарить по столу, нащупал лампу, стараясь отыскать спички. Но нащупал на рыбьи кости.

Он вспомнил, что спички, цепкий запас, лежат под кроватью в ящике, вместе с солью, рыболовными крючками, патронами для карбина. Вытигивал из ящика, сунул в карбина, утре, швырнув его на пол и вытигивал спичечный коробок. Запалила лампу.

Клава, эта Клава моя! Что ж мы там с тобой, Клава!

Он вышел из дома. Луна светила высоко и огромно. Собаки лежали, свернувшись на освещенной земле сиребристыми глыбами снега. Хребты чуть видно мердили лыдами. Роман смотрел на них, уносясь к ним всей своей страшющей любящей силой, и знал, что станет ждать ее возвращения до самых выиг и бурнос. А если она не вернется, то кинется вслед за ней, будет искать ее по огромной стране, мения города и дороги, заглядывая в лица людей, и найдет ее, в горах ли, в степях ли, ибо нет ему жизни без ее любимого навеки лица.

Он стоял на крыльце. Костры горели по берегу. Бабий голос выводил высокую песню.

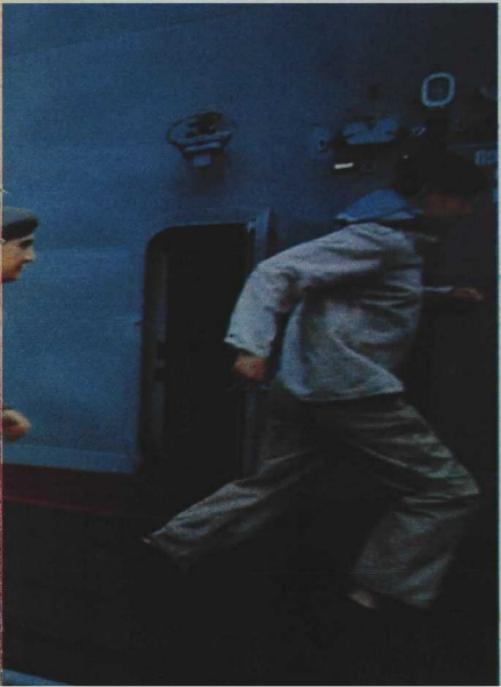
Владислав ЯНЕЛИС,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»

шаги

К МОРЮ

В детстве мы пускали бумажные кораблики или просто щепки по больши фиолетовым лужам и быстрым ручьям, а потом гадали, чей корабль обгонит остальные. Часто говорили очень воле: «мои фотографии засоряют море» и опрокидывались в самый неподходящий момент, а если и добирались до «порта назначения», то весьма потрепанным и не всегда в первой интакре.

Но я с братом нас мальчишами, чьи корабли никогда не распадались, не тонули в водоворотах. Они неслись по мутным ручьям белыми чайками и приходили первыми к финишу. Потому что Сашка Дудник — так его звали — знал, куда положить груз и какую спичку вытащить для плавания.

Сашка бредил кораблями и морем. Он рассказывал нам об отце, военном моряке, и собирался, когда вырастет, стать тоже моряком. И стал. Я встретил его недавно в военной форме плавсостава. Он шел с девушкой, лицо его излучало счастье. А потом мне попалась книжка, в которой рассказывалось о его отце, в ту пору старшем лейтенанте.

шего военно-морского училища имени П. С. Нахимова или надо пытаться влезть в море и в корабли. Это чувство может быть порывистым и безрассудным, спокойным и размытым, но никогда — холодным или расчетливым. Поэтому что море и служба военного моряка не терпят никакой размытости.

В специальной анкете, которая предлагается каждому поступающему в училище, есть вопрос: «Ваш любимый композитор? Ваше любимое музыкальное произведение?» Зачем они это делают психологом, меня заинтересовало другое. Всего вместе антенных, отвечавших на эти вопросы, называют Бетховеном, а Александру Пахмутову. Итак, страсть, темперамент одного и романтика, лиризм другой. А ведь вещи, которые нам нравятся, не могут не влиять на нашу мородущину.

Как правило, привлекательность моря передается по наследству,

от поколения к поколению. Но немало и исключений. Я нашел пять анкет тех, кто поступил в этом году: Сергей Матаков, одесец, 1954 года рождения, комсомолец, окончил курсы аквалангистов, отец — капитан дальнего плавания; Валера Марков из Великого Устюга.

г. 1952 года, комсомолец, окончил речное училище, отец — капитан теплохода; Валерий Горбунов, уроженец Севастопольской бухты, Оренбургская область, 1954 года рождения, отец председатель поселкового Совета; Тагия Багирова, таджик из города Фирдуса, комсомолец, 1952 года, отец — шофер. И, наконец, пятая анкета: Сергей Иванов из крымского поселка Планерское. Феодосийского района, 1954

ПО ТРЕВОГЕ.

ОБЕД ПО-ФЛОТСКИ.

года, комсомолец, окончил ПТУ и ветеринскую школу, отец — рабочий турбазы «Приморье». Тут особый случай. Деявиюю из ста ребят, выросших на берегу, хотят плавать и гребать. Это называют «боевыми берегами».

Кажется, ничего не может удивить севастопольских мальчишек, которые, едва научившись ходить, собирают камни и ракушки на городском пляже, а к десяти годам знают водонеменование и крейсерскую скорость боевых кораблей, плавающих в Черном море. Но тогда почему они не сводят глаза с судов, стоящих на берегу? У них «боевые берега».

Несколько лет назад комсомольцы ЧВВМБ создали клуб для старшеклассников севастопольских школ, где юноши могли бы готовиться к поступлению в училище. Стать членом клуба можно было лишь те, кто хорошо учится, дружит со спортом, не боится трудностей, помогает родителям. Клуб назывался «В морях твои дороги».

Ребят приглашали по отделениям и взводам. Командиры отделений стали набирать подростков из старшеклассников, заводы военного времени. Каждый четверг ребята собираются у своих школ и походной колонной направляются к училищу. Там по всем правилам проходит поверка и объявляется расположение.

Охотнее всего юные моряки, конечно, занимаются теми морскими науками: управляют шлюпкой, изучают знаки морского семафора, учатся вязать узлы и т. д. С великим интересом слушают они рассказы преподавателей училища и курсантов о флоте, о морской жизни и героях о жизни и учебе будущих морских офицеров. И замирают от восторга ребячих сердец при мысли о том, что и их когда-нибудь ждет приобщение к великому морскому братству. Члены клуба учатся не только узлу и распутывать сложные морские вспомогательные узлы, задач на физико-математику, «Ибо», — изучают им их молодые наставники, — курсант не имеет права ни клешн, если он не в состоянии в течение трех минут дать ответ на математическую задачу с окошком, на которую поставлены кружки, а большая часть вспомогательных, которые изучают курсанты, связана с вычислением. Такова специфика современного военного флота.

За пять лет существования клуб рекомендовал для поступления в училище десятки отлично подготовленных ребят. И нестори на большом заседании совета училища из 10 человек на место, 80 процентов юных моряков успешно выдержали испытания по всем предметам. Члены клуба в прошлом, а ныне курсанты Сергей Балыкин, Андрей Никифоров, Евгений Файзокулов, Вадим Михайлов, Юрий Григорьев стали отличниками учебы, комомольскими активистами, неизложими спортсменами.

Интересуется работой клуба, я разговорился с одним из командиров взводов юных моряков, третекурсником Евгением Григорьевым. Он обстоятельно рассказал мне о программе и занятиях клуба, а потом привез зашапку с своих ребятах.

Они слушают экзамены и становятся курсантами. Но это вовсе не значит, что теперь у них все пойдет гладко. У командиров училища, преподавателей, политработников будет еще немало работы, прежде чем первокурсный воспитанник, военным инженером и мужественным воином, но прежде всего воспитателям и организаторам.

Для начала курсант предстоит научиться ценить время. Это значит полностью подчинить себя распоряд-

ку дня, а распорядок себе. Трудно только на первых порах. 45 секунд на подъем, затем физкультура, зарядка коею, личная гигиена, утренний осмотр, завтрак. Расписано все до мелочей, даже движение от спальни к кухне. И это не единственный день, когда к этому призывают гражданскую жизнь кажется верхом неограниченности. Я слышал, как пятикурсник наставлял молодого курсанта: «Смотри, как чисты ботинки, щетка идея свободно, с размахом, она должна гладить ботинки, а не течь на пол». И это не единственный день пять минут, а и одни, причем с одинаковым эффектом.

Сразу после завтрака курсанты расходятся по кабинетам и аудиториям. Не во всяком техническом кабинете изучают такое комплексное предмет, как в училище. Современные кабинеты — это не просто органическое, слоголичное единство наук, а целые кабинеты: химиков и математиков, электроников и радиотехников, биологов и конструкторов, химиков и артиллеристов... Вот почему курсанты изучают кроме специальных морских, общие предметы.

Одним из основных предметов — кораблестроение. Будущий офицер должен уметь вести корабль, ориентируясь по звездам и по солнцу, по береговым знакам и использовать радиолокационную технику.

Мне довелось быть на экзамене по кораблестроению. Преподаватель принимал у второкурсников кабинет капитан I ранга Леонтий Николаевич Гордеев. Задачи, которые предлагались курсантам, с точки зрения дилематии, казались не очень сложными. Что, собственно, в том, чтобы проходить экзамен в кабинете Севастопольского и Феодосийского? Однако винтижки в суть, мне пришлоось изменить мнение. Чтобы пройти кратчайшим путем из Севастополя до Феодосии, необходимо знать рельеф берега по всему маршруту, все берега, от гор и до распахнутых впадин, а также морские и азовские устьища, широты и долготы, глубины, а также, конечно, что корабль будет двигаться друг с другом. К тому же заезда осложнялся вводом встречного корабля. Как изменить курс, чтобы с тем не столкнуться, и поэтому следовало вычислить скорость ветра и течения, на всякий случай предусмотреть запасной вариант прокладки курса.

Гордеев не торопил с ответом, но и не позволял отсрочкам. Штурману не положено долго думать в море, ведь ситуации случаются самые неожиданные.

Мне понравилось, как отвечал курсант Валерий Драга: легко, точно, уверенно. Когда Драга закончил ответ и поставил точку, я спросил с изумлением, Гордеев заглянул в него и улыбнулся: «Прекрасно сработано!» — потом совсем не по-высшенному пожал Валерию руку. На «отлично» сдали еще несколько человек, но самое трудное задание поставлено старшине. И старшина Виктор Григорьевич Григорьев, выпускник курса корабля при двух встречах, с минимумом ориентации, рассчитывал их скорость и сделать поправки на ветер. От размысла чудил чуть больше полуженого, но дал верный ответ с точностью до минуты. Гордеев, поклонившись ему ветерку, сказал одному из подлег, что любят таких вот упрямцев.

Даже боязнь знакомства с учебными кабинетами и лабораториями убеждает в том, что выпускники училища получают глубокие знания военного дела. В специальных классах они учатся управлять самым современным оружием, точно так же, как врага на любой расстоянии, на котором бы он находился. Сначала здесь, а потом на практике они до мельчайшего нюантика изучают материальную часть надводных и подводных кораблей.

Мы побывали на занятиях в некоторых кабинетах. Одни из них так и называются — «Атака». Здесь каждый день разыгрываются настоящие морские сражения, но вместо кораблей — макеты, управляемые обычными отметками. Большой экран на одной из стен кабинета и есть театр военных действий. На экране проектируются макеты кораблей, управляемых курсантами с помощью приборов из соседней комнаты. В их распоряжении находятся и все современные огневые средства: ракеты, торпеды, минометы. О тоиности стрельбы можно судить по вспышкам электрического света на экране. Курсанты, управляющие кораблями, действуют как в настоящем морском сражении, они должны стараться отшивать команды, по которым должны атаковать корабль, вводятся в действие артиллерийские подводные установки. Надо сказать, что страсти здесь разгораются довольно бурные и не только среди неподследственных участников сражения, но и среди зрителей — курсантов, занятых на экране на зрителейской скамье.

Мы видели поединок, в котором атакующим кораблем управляла главный старшина Федор Вересенов. Сразу после получения вводных данных Федор повел корабль на большую скорость к участку, где, по его предположению, мог курироваться противник. Сразу же приближалась вражеская эскадра, все время меняя курс, сбить Вересенова с толку. Но вот цель обнаружена. Федор определил скорость цели и расстояние до нее. Курсанты, наблюдавшие за боем, пришли Вересенову скомандовать: «Самый полный курс прямо на цель». Рассчитавший курс капитан I ранга С. С. Соловьев, капитан полигонета Влада В. Бензальдуха, Героя Советского Союза С. П. Самсонов, А. К. Абрахамянов, который перешел в училище на преподавательскую работу, капитаны I ранга Г. И. Трусиев, И. О. Рогальский и М. С. Коновалов, Н. Д. Солдатов и многие другие.

С той поры, когда по призыву ЦК ВЛКСМ первые курсанты ЧВВМБ пришли в аудитории, минуло несколько десятилетий. Училище, почти полностью разрушенное во время войны, вновь отстроилось; были построены кирпичные пристройки к клубу, спортивные площадки. Многое сделано руками самих курсантов. Дороги отцов стадионов, дороги к учебным корпусам, ямы, залитые водой, и, развернувшись на левом берегу, дает торпедный залп. Арка белая вспышки на экране означает: цель поражена.

Без четверти семь на площади перед учебным корпусом начинается парад старшин. Керченский губернаторская торжественность на въезде в кабинеты старшего технического, во всех частях Севастопольской Армии и Флота она проходит более или менее одинаково. Дежурный по училищу проверяет выправку курсантов, состояние оружия, и подавливает дробь подразделение проходит строевым шагом по «Аллею героев». Впереди — курсанты двенадцатидцати бывших Героев Советского Союза — выпускников училища. Поднят каждый из двенадцати — эти части подняли советских моряков в годы Великой Отечественной войны.

Первый дней учебы училище было передано на военное попечение. Весьма интересно, что в Керчи город, охваченный стратегическими объектами на побережьях с Севастопольским, учебные кабинеты, переброшенные в Азовское море, принимали участие в эвакуации заводского оборудования из окруженнего фашистами города Севастополя. 1941 год — курсанты становятся курсантами из окруженнего фашистами города Керчи, старшие курсанты — из которых были сформированы 76-я отдельная морская стрелковая бригада, германски драшившая с дивизией SS «Викинг» на Кубани.

Золотые буквы на памятнике на берегу моря, тех, кто поднялся сюда, чтобы отдать свою страну, — погибшим на кораблях, — приваривающимися прямым боем к нирсы, корабль был потоплен. Курсанты за два дня на «Гангуте» успели обжить, познакомиться с судном, его экипажем, учебными классами. Во время плавания им предстоит не только выполнить обязанности матросов, но и достичь высоких результатов. Это первый большой переход в их морской биографии. И поэтому со всей ответственностью, еще задолго до выхода в море, готовились к нему

острова, участвовал в Новороссийской десантной операции, громил врага в Керченском проливе, под Севастополем метким огнем потопил два больших гитлеровских судна.

Вот так «Гангут» — корабль, названный в Керченской бухте, открытым путем в Новороссийск другим кораблям с десантами, дважды за одну ночь. Черепа прорывавшие сквозь «ворота смерти», был тяжело ранен, не ушел из командирского поста. Василий Богомаз — с горсткой матросов занял Керченский клуб в Новороссийске, в самом центре военной обороны, выдержал 28 контратак. Асиф Абдраманов — прославился в флоте как один из опытнейших командиров-капитанов, участвовал в первых десантах в Таганроге. Марину Бердянскую — в Бердянске, на Таманском полуострове.

Нынешним поколением курсантов посыпалась уинтальная у тела, что прошел супровую школу Великой Отечественной войны. По торжественным дням, когда командиры и преподаватели в униформе надевают белые китель, будущие офицеры, зная все глубоко, соизвестно, что воинственные припадлежат к героям-макетам, вспоминают о том, что винтилле

командование училища, преподаватели, партийная и комсомольская организации и, конечно, сами курсанты.

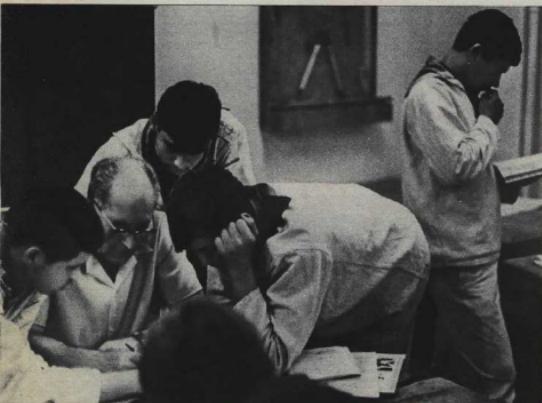
В зале на хордиковых курзант Валерий Драга открыл заседание ротного комсомольского бора. На по- вестке дня стоял один вопрос: «Морская практика». Валерий сразу же решил к делу: «Через три часа выходит в море от нас, членов бора, во многое не верим, но будем активно проходить практику дляничного состава роты. Надо еще раз продумать план работы в следующем месяце...» Потом каждый из пяти членов бора внес свою предложение. Все решалось быстро, горячо и толково. И это неудивительно, ведь время в селе спасалось практикой, выработанной за два года и вы筠до отличавшейся зоркого человека от гражданского.— наливать свою мысль кратко и ясно.

За час до отплытия «Гангута» мы простились с кораблем и, исполнявшие свой долг, поклонились начальнику перехода капитану I ранга Сорокину «шести футов под килем». Хотя «Гангуту», судя по его размерам, следовало желать все двадцать.

— Вам здорово повезло, — сказал капитан на рангоуте Петя Андреевич Голубцов, — вы, в сдачу корабля, не сопротивили на «Прорванный». Этот НИК (большой противолодочный корабль) выходил в море на зачетные ракетные стрельбы. На «Прорванном» уже две недели про-

НА КОНСУЛЬТАЦИИ В УЧЕБНОМ КЛАССЕ.

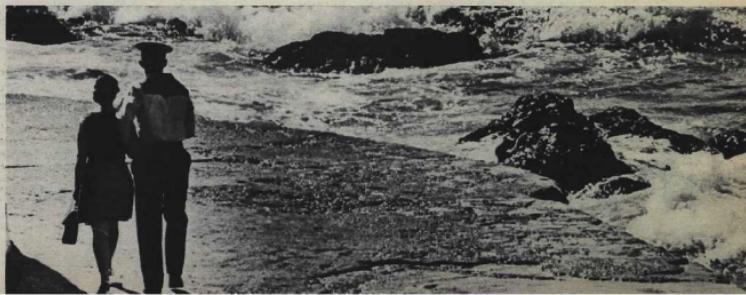
БОРЬБА ЗА ЖИВУЧЕСТЬ КОРАБЛЯ.

ходили практику курсанты четвертого курса. На первых глахах все были в боевом состоянии, готовились к выполнению этого ответственнейшего вида стрельбы. Пробирь, испытывая экраны лучами, следили за обстановкой вокруг корабля. Ракетные установки приведены в состояние боевой готовности. Я видел, как капитаном командир «Прорванного» капитаном III ранга Валерием Ивановичем Моты. Экипаж долго готовился к этому учению, продумывая все детали, десятки раз прорабатывали все операции. Моты готов поручиться: за каждого матроса... И все-таки он перничал, потому что опасность одного могла свести «на нет» работу многих. Вот воздушная цель обнаруже-

на. Ее надо уничтожить. С интервалом в несколько секунд из борта «Прорванного» срывались два ракеты. А еще через мгновение на горизонте поднялся один из другой две вспышки. Приборы фиксируют: «Цель поражена первой же ракетой».

А еще через два дня рано утром мы выехали в море на эскадронном маневре. На корабль «Гангут» уже самим курсантам предложено сдавать зачеты по артиллерийской стрельбе и по управлению огнем. Когда корабль, который танул за собой металлический щит (цель), приближался на дистанцию открытия огня, курсанты по очереди вынимали из щита спрятанные в забальзамированных орудиях и спрашивали со своей задачей совсем неплохо. В металлической сетке щита и в его корпусе было четыре пробоины, нормальным результатом при том количестве выстрелов, которое сделала «Находчива», были бы два попадания. Еще до конца маневра капитан «Гангута» отчитывалась команде: «...Назад... спирь практиче... сружи зарядить... топки... ревизи...».

Так началась практика. Впереди недели корабельных будней, до предела заполненных морской службой.

ЗАНЯТИЕ ТРЕТЬЕ:

«СИЛА И МУЖЕСТВО» — для девушек 16—18 лет

«ФИЗИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО» —

для женщин 19—28 лет.

Занятие ведет
Член Всероссийской спортивной комиссии по конькобежному ГТО,
кандидат педагогических наук
ИВАН ОСИПОВ

УСКОРЕННАЯ ХОДЬБА 5 МИНУТ

БЕГ НА 100 МЕТРОВ

норма на серебряный значок — 16—18 лет — 16,2 сек.
— 19—25 лет — 15,0 сек.
на золотой значок — 16—18 лет — 15,2 сек.
— 19—28 лет — 15,5 сек.

УПРАЖНЕНИЯ

3 — ГИМНАСТИКА

МЕДЛЕННЫЙ БЕГ 3

ВАША УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

«Сила и мужество», для девушек 16—18 лет

1. Ходьба на месте или с передвижением, постепенно убывая темп, в течение 1 мин.

2. И. п. — исходное положение с. (основание стопы на носки, руки в стороны — вдох; 2 — опускаешь на всю ступню — выдох; 3 — согнувшись руки скрестно перед грудью — выдох; 4 — н. п. — выдох).

Повторить 6 раз в медленном темпе. На каждый второй счет — сгибание и разведение рук — правая над левой и наоборот над правой.

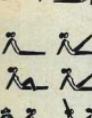
3. И. п. — о. с. 1 — пружинящий наклон туловища вперед, руки за голову; 2 — пружинящий наклон туловища вперед, руки в стороны; 3 — пружинящий наклон туловища вперед, руки за голову; 4 — н. п. — выдох.

Повторить 6—8 раз в среднем темпе. Дыхание произвольное.

4. И. п. — левая лигаментная связь, руки в упоре на уровне ног, правая нога, упор на правом колене, повернута вправо; 2 — согнутая правая нога, упор на бедре; 3 — полулежащее упоре; 4 — прогибься, упор на обеих ягодицах; 4 — сгибай руки и. п.

Повторить 4—6 раз в медленном темпе. Дыхание произвольное.

5. И. п. — сядь, в упоре сидя. 1 — левая нога вперед, 2 — согнутая левая нога, упор на носок, правая нога вперед — вдох; 3 — левая нога вперед — выдох; 4 — и. п.; 5—8 — то же с правой ногой, саскаясь пальцами в нижней стороне ноги, упор на обеих ягодицах.

Повторить 4—6 раз в среднем темпе. Дыхание произвольное.

6. И. п. — руки на пояс (приник). 1 — прыжком на обеих ногах; 2 — прыжком на левой, правая в сторону — прыжком на обеих ногах; 4 — прыжком на правой, левая в сторону — прыжком на обеих ногах.

Выполните 32—48 прыжков и сразу перейти на ходьбу.

9. Ходьба на месте или с передвижением, постепенно замедляя темп, в течение 1—1,5 мин.

ХОДЬБА 10 МИНУТ

1
2—3 ГИМНАСТИКИ,
УПРАЖНЕНИЯ

КОМПЛЕКСНАЯ ПО ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКЕ

СТАНДАРТЫ

№№ тренировок	3	4	Старты на 15
1.	1 мин.	10 прыжковых шагов	1
2.	1	1	2
3.	1,5	10 × 2	3—4
4.	1,5	—	5—6
5—6	примкновов в длину	—	7—8
6.	2	вверх	9—10
7.	2	в высоту	11—12
8.	3	6—8 в длину	13—14
9.	3	вверх	15—16
10.	3	в высоту	17—18
11.	4	8—10 в длину	19—20
12.	4	вверх	21—22
13.	4	в высоту	23—24
14.	4	вверх	25—26
15.	2	в высоту	27—28
16.	2	приникнов.	29—30

ПРИЧИСЛЫ

4

ВАША УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

«ФИЗИЧЕСКОЕ СОВЕРШЕНСТВО», для женщин 19—34 лет

1. Ходьба на месте или с передвижением, постепенно убывая темп, в течение 1 мин.

2. И. п. — руки на пояс. 1—2 — легкую ногу поставить скрестно перед правой, правая рука за голову, левая рука вперед — вдох; 3—4 — и. п. — выдох; 5—6 — правая нога скрестно перед левой, левая рука вверх, правая — в сторону, подниматься на носках — вдох; 7—8 — и. п. — выдох.

Повторить 4—6 раз в медленном темпе.

3. И. п. — руки к груди, пальцы переплетены. 1 — встать на носки, руки вперед, правая нога вперед — вдох; 2 — и. п. — вдох; 3—5 — правая нога скрестно перед левой, левая рука вперед — вдох; 4 — и. п. — выдох; 5—7 — то же в другую сторону, правая нога вперед — вдох; 8 — и. п. — вдох.

Повторить 4—6 раз в среднем темпе.

4. И. п. — руки на пояс. 1 — присядь, руки вперед — выдох; 2 — выпрямляйся, левая нога вперед — вдох; 3 — сидя на носках, руки в стороны — вдох; 4 — и. п. — выдох; 5—8 — то же в другую сторону.

Повторить 4—6 раз в медленном темпе. Дыхание произвольное.

5. И. п. — сядь на пол, руки в упоре сидя. 1 — поднимай ноги, колени к груди; 2 — опускай колени ног вперед — вдох; 3 — опускай ноги вперед — выдох; 4 — и. п. — вдох; 5—8 — то же опускай ноги вперед — выдох.

Повторить 4—6 раз в среднем темпе. Дыхание произвольное.

6. И. п. — сядь на пол, руки на пояс (приник). 1 — прыжком на левой, правая вперед; 2 — прыжком на правой, левая вперед — прыжком на левой, правая в сторону — прыжком на правой ноге.

Выполните 32—48 прыжков и сразу перейти на ходьбу.

9. Ходьба на месте или с постепенным замедлением темпа в течение 50—60 сек.

5 МИНУТ

ХОДЬБА В СРЕДИМ

6

САДЫБЫ

ТРЕНИРОВКА
(2-3 раза в неделю)

ЦВИ

	6	7	8	9	10	11
2-3 раза бросков мяча	10	—	—	—	—	—
метание гранаты	—	—	—	—	—	—
толчение ядра	1	1	2	—	—	—
приникания ядра на 500 м	—	1,5	2	—	—	—
приникания ядра на 1000 м	—	1,5	3	—	—	—
приникания ядра на 2000 м	—	2	5	—	—	—
приникания ядра на 3000 м	—	2,5	5	—	—	—
приникания ядра на 4000 м	—	3	5	—	—	—

УЧИТЕСЬ ПЛАВАТЬ

Упражнения по плаванию с водой (вода чуть выше пояса):

- Сидяйте на краю пруда и выгнувшись с головой в воду (на 3, 5, 10, 15 счетов, открыте глаза, выдох).
- Присядьте, обхватите колени руками и всплыните.
- Наклонитесь вперед, голову опустите в воду, погружаясь головой в стороны берега.
- Наклонитесь вперед, голову опустите в воду, погружая голову в стороны, делайте вдох и опускайтесь в воду.
- Наклонитесь вперед, имитация движения пловца в воде (кроль).

ГРАФИК ПЛАВАНИЯ

№ занятий	Скользящие и бегущие вдоль берега	Плавание с доской в руках	Плавание с доской в ногах	Свободное плавание	Старты
1	3-4 раза	2 × 10 м	—	—	—
2	5-6 раза	4 × 10 м	—	—	—
3	5-6 раза	4 × 10 м	—	—	—
4	6-7 раза	2 × 10 м	2 × 10 м	2 × 10 м	—
5	6-7 раза	2 × 10 м	2 × 10 м	2 × 10 м	2-3 из воды
6	6-7 раза	3 × 10 м	3 × 10 м	4-5 из воды	—
7	4-5 раза	2 × 15 м	2 × 15 м	2 × 20 м	2-3 с бортиком
8	4-5 раза	2 × 15 м	2 × 15 м	3 × 25 м	2-3 с тумбы
9	3-4 раза	2 × 15 м	2 × 15 м	1 × 50 м	2-2 с тумбы
10	2-3 раза	1 × 25 м	1 × 25 м	1 × 50 м	2-2 с тумбы
11	—	1 × 25 м	1 × 25 м	1 × 100 м	3-4 с тумбы
12	—	1 × 25 м	1 × 25 м	—	—

Норма на серебряный значок — 16-18 лет — 100 м без времени.
на золотой значок — 16-18 лет — 100 м за 2 мин.
19-28 лет — 100 м за 2 мин.

ПРЫЖОК В ВЫСОТУ

норма на серебряный значок — 16-18 лет — 105 см
на золотой значок — 16-18 лет — 115 см
19-28 лет — 120 см

СКОРОСТНОЙ БЕГ

МЕТАНИЕ И ТОЛКАНИЯ

СИЛОВАЯ ТРЕНИРОВКА

Эти упражнения помогут вам выполнить норму в сгибании и разгибании рук в упоре лежа на гимнастической скамье.

- Из положения лежа, лицом вниз, инстинт на уровне плеч — разгибание рук, напряжение про- гибание назад (по 5 сек.).
- Из положения лежа спиной на полу, ноги за-креплены, обхватите руки на пояс — поднимание туловища и наклоны вперед.
- На положении стоя — приседания, руки впе-ред.
- Сгибание и разгибание рук в упоре лежа [с отрывом о стол, затем сидячие стула, на полу].
- Сгибание и разгибание рук на скамейке.

После окончания занятия обязательно запиши- вайте, сколько раз удалось выполнить каждое упражнение.

Норма на серебряный значок — 16-18 лет — 10 раз
19-28 лет — 12 раз
на золотой значок — 16-18 лет — 12 раз
19-28 лет — 14 раз

2-3 ГИМНАСТ. УПРАЖНЕНИЯ

10

ХОДЬБА 3 МИНУТЫ

ПРЫЖОК В ДЛИНУ

норма на серебряный значок — 16-18 лет — 340 см
19-28 лет — 350 см
на золотой значок — 16-18 лет — 375 см
19-28 лет — 380 см

ТОЛКАНИЕ ЯДРА

(вес ядра 4 кг)
норма на серебряный значок — 16-18 лет — 6 м
19-28 лет — 6 м 50 см
на золотой значок — 16-18 лет — 6 м 50 см
19-28 лет — 7 м 50 см

8

БЫСТРЫЙ БЕГ

МЕДЛЕННЫЙ БЕГ 2 МИНУТЫ

ТРЕНИРОВКА ПО ЛЫЖАМ

(в минутах)

№ занятия	Медленно	Быстро	Медленно	Быстро	Медленно
1	45	—	—	—	—
2	60	—	—	—	—
3	90	—	—	—	—
4	45	—	—	—	—
5	45	—	—	—	—
6	45	—	—	—	—
7	45	—	—	—	—
8	40	—	—	—	—
9	30	—	—	—	—
10	35	—	—	—	—
11	20	—	—	—	—
12	15	—	—	—	—
13	15	—	—	—	—
14	15	—	—	—	—

Приникания на 3 километра.

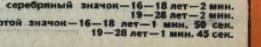
Норма на серебряный значок — 16-18 лет — 20 мин.
на золотой значок — 16-18 лет — 18 мин.
19-28 лет — 17 мин.

7

КРОСС НА 500 МЕТРОВ

норма на серебряный значок — 16-18 лет — 2 мин.
на золотой значок — 16-18 лет — 1 мин. 50 сек.
19-28 лет — 1 мин. 45 сек.

Можно ли, представляя себе идеал молодой девушки, соединить вместе красоту, силу и мужество?

Вопрос задач не случайно, ведь многие почему-то считают, что сила и мужество противоположны женственности. Позовите с этим не согласитесь.

Изменение генетической красоты, может быть, и будет занимать вас впрочем, но это обречено на быстрое увядание.

Но так давно косметологи и спортивные специалисты прошли любопытный эксперимент, сущность которого сводилась к тому, чтобы выяснить, что же лучше использовать для сохранения свежести кожи лица — только косметические средства или, на особо увлеченные, способности организма привести в норму состояние его организма, что, естественно, связано с занятиями физической культурой. И надо сказать, что исследование показало превосходство именно последнего метода: женщины, которые, кроме умеренного использования косметических средств, активно занимались физическими упражнениями, выглядели наименее старыми.

Эксперимент начался только одной и далеко не самой главной стороны, характеризующей красоту. Куда большее значение имеет физическая культура в формировании красивой осанки, красоты движений и, конечно, здоровья, без которого невозможна ни красота, ни сила, ни мужество.

Итак, какова же цена? Но, конечно, в чем ее главное содержание? Когда девочка просто любит и умеет ходить — это хорошо, если часто плавает — тоже неплохо, если полюбилась бадминтоном, лыжам, ей подходит утренняя гигиеническая гимнастика — это полезно и нужно. Однако польза от занятий физической культурой будет куда значительнее, если в вашем арсенале не одно упражнение, а целый комплекс.

Следовательно, для каждой из вас нужна определенная программа занятий физическими упражнениями, программа вашего активного двигательного режима на каждый день, на неделю, месяц, год, на несколько лет и в конечном счете на всю жизнь.

Основой такой программы является комплекс ГТО.

Что же практика приобщит к физическому культиватору? Пожалуй, да, девушки и тем более для молодой женщины решить эту проблему несколько сложнее, чем для юноши или мужчины.

Хорошо, конечно, если вы имеете возможность заниматься своим любым из шести спортивных посещениями секции или группы физической культуры. Но что делать женщине, изюминка из вас придет выбрать самостоятельные формы занятий. Потому-то мы и предлагаем вашему вниманию систему самостоятельных занятий физической культурой, которая не только приобщает вас к здоровью, силе, мужеству, красоте, но и позволяет подготовиться к сдаче норм комплекса ГТО по III ступени (для девушек 16–18 лет) и по IV, если у вас есть немногие проблемы.

Конечно, решиться на этот шаг не так просто, слишком велика широта психологической установки на бездеятельность, на веру в вечность хорошего здоровья, силы и красоты. Важно начать занятия, заставить себя регулярно их продолжать, а потом они станут вашей пребольностью, вашей радостью.

Как же получается комплекс утренней гигиенической гимнастики в виде выполнения упражнений, разнообразные способы стояния, правильной осанки и укрепления мышц брюшного пресса — животного корсета, так необходимого для красоты фигуры и жизнедеятельности внутренних органов. Все это можно выполнять в домашней обстановке.

Несколько сложнее провести цикл из 16 за-

нятий "по комплексной тренировке", включающей бег, прыжки, метания и гимнастические упражнения. Выделите на них один из выходных дней и один из вечеров на неделю (середа, четверг). Лучше всего, если самостоятельные занятия, особенно по плаванию, вы будете проводить вместе с подругами, в кругу своей семьи или в группе, организованной вами.

Решение практическое приобщиться к физическому культиватору? Пожалуй, да, девушки и тем более для молодой женщины решить эту проблему несколько сложнее, чем для юноши или мужчины.

Приступая к занятиям вы можете только после того, как побываете у врача и получите его разрешение.

Очень важно, чтобы вы контролировали кожу, поскольку это способствует быстрому излечиванию ее из калорийной граффити, а в тех случаях, когда дается задания на максимальное выполнение какого-либо упражнения, проставляйте соответствующую цифру.

Итак, дорогие читательницы, приступайте к занятиям. Ваш стадион — это ваша квартира, двор, парк, река, заснеженные поля и леса. Желаем вам удачи.

РАСПОРЯДОК ДНЯ

Проставьте часы и минуты

1. ПОДЪЕМ
2. УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА
3. ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЙ, ЗАВТРАК
4. ПРОГУЛКА (ХОДЬБА С РАБОТОЙ, УЧЕБУ)
5. РАБОТА (ЧУБА)
6. ПОСЛАНОВКА
7. РАБОТА (ЧУБА)
8. ПРОГУЛКА (ХОДЬБА С РАБОТЫ)
9. РАБОТА (ЧУБА)
10. ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТЫ ПО ДОМУ
11. ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ ПО ТРЕНИРОВКЕ
12. УЖИН
13. ПРОГУЛКА ПЕРЕД СНОМ
14. СПАСИТЕЛЬНЫЙ ТУАЛЕТ
15. СОН

ПЛАНИРОВАНИЕ ТРЕНИРОВОК ПО ВИДАМ СПОРТА

УТРЕННЯЯ ГИГИЕНИЧЕСКАЯ ГИМНАСТИКА И СПЕЦИАЛЬНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АUGUST				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
ЛЫЖИ											
СТРЕЛЫ											
ЛЕГКАЯ АТЛЕТИКА											
*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*

Примечания: цифры обозначают номера тренировок. Звездочки — когда намечается соревнование. Для контроля вычеркивайте каждую проведенную тренировку.

Борис СОКОЛОВ

Ожидание цветет

Я в зале ожидания живу

вторые сутки —

нет погоды летней,
живу, познай, даже беззаботно,
живу на всплеск — не наяву.
Но все-таки наше напряжение
ждут рейса своего, ждут отправленья,
нонет ждущих,

О зале ожидания,
ною проходим мы из года в год,
и в каждую минуту кто-то ждет
сигнала к встрече или расставанию!
Но как ни ждущий,

при любой погоде

всегда он неожиданно приходит.

Вот и сейчас, не дописав строки,
бегу в зале через поле к самолету,
и рядом дышит напряженно кто-то,
и облака над нами высоки.

Как быстро небо осени остыло,
морозы рядом, судя по всему...
Дождем листья умо с асфальта
смыло,
и ветер зло швыряет снег во тьму.

И, шум в дома и гарячи вобрая,
ко спуту отходит город,
отключаясь
от суеты и спешки от мира,
а свет пылает, у фонарей начаясь.
На перекрестье осени с зимой
з жара великого противоборства,
но сене отступает без упроты
и белый снег несет над головой.

Когда я вдруг терял терпенье,
то часто слышал от друзей:
“не надо, мол, дразнин гусей,
что слышать гадкое шипение.
Я был волонтером.”

Полягаю,
друзья хотели мне добра.
И вот ко мне пришла пора —
других я предсторегаю.
От синевы люди хорошиют
и радость себя спасают...
Но гусь все шипит, шипит
и тянут шеи, тянут шеи.

Почему же, когда немокнем,
очень хочется галстук снять
и не разеть бужанум икоином —
просто там руки ломать?

С рожденьем нам задан урок,
которому не прехватится:
красавы женские лица —
бессмертные экины залот.

От артемианских глубин
естественного отбора
поехал это
женского взора

танцующий ананасник.
В мерцании его глубин
нинуты озаренные воды,
великой и вечной природы

всегда дэрзновенные сны.
И власть его так велика
и так притягательна,

что в нем величко и здно
пылает, преломляясь, вока.

Как путь бы потом ни пролег
и что б ни сумело сплучить:
красавы женские лица —
бессмертные экины залог.

Когда приходит зорька,
о юности грустя,
мы вспомним, как нам пелось
и плясалось шутя!

Теперь при неудаче,

случившейся с собой,

ты даже не заплачешь,

в ульке спрячешь боль.

А если хлынет радость,
то, прежде чем залеть,
тебя для песни надо
большой резон иметь.
Но не вспоминай о снегах,
но чай длинее пить,
тем явственнее в слове
ты обнажаешь сущину...

А слова может разно
вдруг обернуться к нам —
то поздравично, то праздно,
то с ядом помлано,
то с ядом помлано,
судьбой твоей крути...

Нет, ничего не выйдет,
чтоб жить и петь шутя!

Не знаю, сколько проживу,
но половина, верно, прожил,
и с каждым днем еще дороже
тропы, насыщенной травой,
и вспоминая венки цветов,
крайние шапоты зелени озерных,
дженевесы мурзальные упорные
вокруг упавшего листа.

Что вещи! Создаждут опять
их, от природы отчуждая,

а эта тишина лесная —

ее ни взглянешь, ни рассчитаешь.

Но не злится, не гневись,

всегда же вспомни о пурпуре,

Двадцати век икону, а Пушкин

второй еще не родился.

Пусть математик сионут

по числам и обратным связям —

я частила, что под этим взлом

ромашки снова расцветут!

Нынешней зимой
модельеры предла-
гают широкую
разнообраз-
ную одежду. Моло-
дые девушки и женщины должны
показаться ма-
гически привлека-
ющими фигуру
пальто, облегаю-
щие юбки, яркие
широкие юбки.
Материи — клет-
чатка, кашемир,

чехол клетка может быть очень кру-
пной яркой. К тому же пальто пондут
шапками гороха, а меха — из меха
стого, мягкого меха лисицы, песца,
с норкой. Из пушистых мехов можно
с успехом использовать меха из
такой же меха нрашеного кролика, который
позволяет художникам-издевательям
создавать креативные образы, такие
ансамбли; голубые оранжевые, зеле-
ные, синие.

Эти же 1974 года, как и прошлый, ори-
ентируются на комплекты. В эми-
нистичных комплектах горячему, яркому
брючному ансамблю брюки, пиджак с
пальто, жакетами, миниатюрами, блузка-
ми, пальто с мехом, пальто с мехом
узких, прямых и свободных, шел-
ковые и однотонные хорошо смотрят-
ся с брюками из облегающей ткани. Но пред-
почтение мода все же отдает блузкам.
Особый интерес здесь представляет
блузка из искусственного меха, которая
тканая, свободно падающая, бледно-серая
склоненная по краю. Край блузки, об-
легающей тело, делается из меха, который
черниает стянутую пижоном тонкую
ткань. Эффектны широкие расклешен-
ные юбки из меха, которые входят в со-
ставление верхнего ассортимента. В
спортивных предложении исполь-
зуются различные виды меха, такие как
различных фантазий цветов. Часто
такие юбки оформляются искус-
ственными мехами, синтетическими эди-
цилесами, шнурками.

Что же разумеется, не каждому изут-
брючному ансамблю, поэтому в при-
дробе молодежи по-прежнему попу-
лярны и юбки. Они в принципе не
имеют ограничений в цвете и матери-
и: прямая с боковыми щипцами, юбка, скроенная
по ногам, юбка-шарф, юбка-шарф с
застроченной сверху и раскладываемой
вниз, юбка-шарф с кружевом или заут-
женными складками. Юбка-шарф из
легких и тяжелых материй, из конни-
хим или глицином, из меха, который
с линировкой поверхностью. В юб-
ках из замши, кожи, замши с ла-
мированной поверхностью, могут быть
комбинации различных по цвету,
текстуре, форме лусков, такие юбки
когда-то были танго для модниц
для зимы, как говорят французские
модницы, «точно остановились под
колено».

И юбки с брюками можно носить с
трикотажными изделиями. Модны
облегающие вязаные китайские обе-
змы, заправленные, с открытыми или
стянутыми рукавами. Их носят по-
верх блузок. Страгие, будто из стекла
покрытые блузки с длинными рукавами
конопляные, облегающие, с длинными
вязанными безрукавочками-«душигра-
ми», с длинными рукавами с короткими ру-
каами, которые иногда заворачиваются
широким обшлагом.

Страгие, будто из стекла, блузки могут
носить трикотажные кофточки с
занавесами в резинку или в чулочную
занавеску, с длинными, поле-
речными широкими и короткими
навздохами. В блузках из трикотажа,
ничего необычного, кроме того, что они полу-
чатую чулочную вязку, можно украсить
с одноцветной вязкой резинкой. Но-
вника вязаной кофточки — блузка с
легкой контурной вышивкой цветов,
листьев, ягод...

В трикотажных изделиях можно
блузка и блузки с длинным, об-
ратным, пиджак с воротником. Сво-
образные блузки из ткани для
спорта внуки с отложным или из
левыми воротниками. В этих коф-
точках можно носить широкие рукава ши-
рокими, сужающимися книзу. Жилеты с
запахом, с длинными рукавами, с короткими
короткими плетеными толстыми шнурками,
концы которых оформлены помпо-
нами, можно носить с широкими рукавами
пластмассы или дерева. В форме для
спорта принято комбинировать тка-
чи, из которых можно сделать курт-
ки с капюшоном. Спереди наплечи
обиваны, а спинка — свободно
падающую, блочку. Что-то из необыч-
ных нутряных шьются с большими ви-
ровыми пуговицами.

Для весенней с мягкой зимой ма-
дельеры предлагают пальто свобод-
ной формы с длинными рукавами
с поперечными и наплечными, с
объемистыми карманами. Эти паль-
то из меха, из меха с кружевом, из
тканей с отделкой из искусственного
меха, лака утраченены цветными шну-
рами, из меха, из меха.

Одно из основных требований,
предъявляемых к последней одеж-
де, — практичность. Поэтому худож-

Нина НЕМИРА,
Мираслав МУРАЗОВ [фото]

ЗИМА-73 — 74

Для выходной одежды характерны романтические линии — широкие рукава, волна, плачевые, «структурные» юбки...

Повседневный трикотажный костюм.

Стройным молодым женщинам пойдет клетчатый костюм с пелериной и капюшоном, отделанными искусственной блестящей кожей.

В зимнем гардеробе по-прежнему необходим брючный ансамбль.

ники применяют просторный пончо, создавая модели с широкими рукавами и прямой линией талии с удлиненной линией реглана. Но наиболее популярным остается втачное плечо, которое сочетается с высоким линией плеча. В пальто становится модным прямой силуэт и скромные, но стильные линии.

Пальто или комплект дополняют модные шапочки типа «хакиерских» с утолщенным хвостом, с длинными спереди и опущенными сзади. Их носят с юбкой волосы до колен. Оставают в моде белые перчатки с пышными манжетами, их надевают на лоб, Кеппы и кашемировые шарфы из меха. Входящий в моду трикотажный облегающие шапочки с широким отворотом можно использовать и внутри. Всегда шапочки кроются из высокой тульи и маленьими, чуть завернутыми полами.

Куно ПЕТРОВ,
главный редактор журнала
«Жара» (ИБР)

Бесценное наследство

АЛБЕНА — СОВРЕМЕННЫЙ
КУОРТНЫЙ КОМПЛЕКС.

Болгария... Говорят, она рожденная тремя поцелуями—гор, ветра и солнца. На нашей солнечной и цветущей земле не счесть красот и чудес, созданных природой и руками людей. Удивительный колорит красок и неповторимый достопримечательностей делает Болгарию незабываемой, а память о ней неизгладимой.

Не счесть всех мастеров — зодчих, скульпторов, безымянных умельцев, которые создавали веками лик нашей Болгарии, где седая старина сосуществует с модерном, а древние промыслы с теми, что именуют «последним словом» техники.

Сколько же в Болгарии чудес! На земле Кирилла и Мефодия их бесконечно много.

ЧУДО ПЕРВОЕ: Боженцы

«Райский уголок» — так называл это затерянвшееся в горах, в стороне от столовых и шумных трактосела Херлуф Биструп.

В Боженце всего 30 домов и 110 жителей. Но где-то здесь, в грабовых лесах, где степной ветер застраги кипарисов и орешинки, нашли убежище, спасаясь от беспалостной турецкой резни, боярьши Божене.

«Столицей» этого царства и стало село, рожденное три или четыре века назад по воле неграмотных мастеров-ремесленников, которые возводили или они когда-то подарили деревенскому дереву дом с пластическими фасадами и эркерами, угловыми окнами и придуманною замышищимися рядами бревен широкопольными крышами без изогнувшихся подпорок, держащих тяжелую кровлю из толстого камня.

Но несомненно оправдывают поэтомы древних мастеров. По всему миру думались они давать щерсть и кожу, галун и воск. В Милан и Марсель, в Лондон и Москву и Цариград, а вскоре ушел из этого селения кузнец Речо и посыпал в деревне землю, усыпанную золой. С его подковами шли кареты дальше, на Цариград. Так позависел первый житель известного во всем мире города — Габрово.

И сегодня в каждом доме в Боженцах все те же неповторимый уют и обстановка. Время, чуть измененный цветом, оживило эти здания и архитектурные формы. Но у этих построек осталась все та же строгая красота. Плющ и здравец дополнили узорами и ароматом гармонию красоты природы и того, что сотворили терпеливая и искусная рука мастеров из Тръвни и Дрянова.

Несколько лет назад село начало свою туристическую жизнь. Государство пришло на помощь, и поднялись покосившиеся крыши.

Сегодня с утра до вечера людно в Боженцах. Спешат в «райский уголок» туристы, на постоянное жительство перебрались болгарские писатели Орлин Васильев, Симеон Симеонов, Радослав Иванов, Стойчо Стойчев и другие. Бородики и длиннини кипарисов и бамбуковидны. Осмотривают и ищут свободные места, чтобы поселиться и работать здесь в тишине.

Один за другим возвращаются ста-

рые жители, которых судьба разметала по всей Болгарии. Здесь они хотят наесться.

«Эту изумительно яркую с виду и по звуку музыку, сохранившуюся со старых времен, нельзя описать», — говорил писатель Орлин Васильев. — Это надо видеть!

Принесите, не пожалеете!

ЧУДО ВТОРОЕ: города-музы

Каждый болгарин называет три этих неповторимых сокровища, три города: Тръвие, Копривница, Мельник.

У каждого из них своя легенда.

...Как-то один из паломников решил поддержать мастеров, кто из них лучше.

— Я, — сказал Димитр Ушанциев, — и докажу это. Вырежу на потолке солнце, чтобы посмотрел на него человек и почувствовал его тепло.

— Держи пару, что сделают резной потолок из цветов, чтобы ты взглянул на него и почувствовал их запах. — Эти слова коренятся в недавней истории.

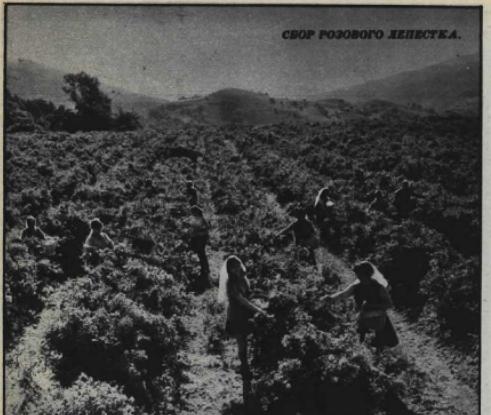
Шесть месяцев трудились два мастера в соседних комнатах. 180 дней не выпускали они из рук долото, из-за гордости не желая взглянуть, что же создал сосед. А когда работа была закончена, позвали самых близких друзей и показали им оба произведения. Предания гласят, что победил Димитр. Но с той поры, с 1808 года, каждый, кто приходит в Дом учителя в Тръвие, словно завороженный, стоит перед чудесными творениями двух мастеров. И обыкновенного дерева струются лучи великолепного солнца, так и хочется прислушаться к цветам, которых нет. Иконы изграждают свою дерзость, юношеский пыл, чувства к любимой девушке.

Этому искусству и сегодня учат в Тръвии. Сметка и вкус молодых ма-

стеров из Болгарии

СВОР РОЗОВОГО ЛЕПЕСТКА.

МОРИВИЩА — БИСЕР БАЛКАН.

РУСАКА — СОНЕРНИЦА АЛВЕНИ.

стеров видны в новых домах, облик которых хранят все черты старого болгарского искусства времен возрождения.

...Невыдуманный бисером Балкан называют Копривищу. Здесь камень и дерево склоняются в удивительных решетках мастеров-самоучек, создавших неподражаемую симфонию красоты и симметрии, которая и по сине пору восхищает архитекторов.

В домах Копривищи есть, что-то общее, что соединяет старинный ансамбль, но и каждого свое, отдельное, неразрывное. Дома сохранили фамилии хозяев и творцов, которые будут быть всю жизнь соревноваться, чтобы удивить друг друга. Дома Ослекова, Маркова, Люгова, Малесева... Замечательный советский архитектор Шульц называл Копривищу «городом болгарской Флоренции». «Весь город — это роскошный архитектурный ансамбль. Шаблон полностью чужд безымянным мастерам, работавшим более века назад».

Город навечно в истории Болгарии, он по праву считается ее столицей, о которой неизменно обобщают без этики гравюро-пионеров. Здесь с одного из мостов раздались первые залпы знаменитого априльского восстания 1876 года — против турецкого рабства. Здесь отчий дом видные революционеры Беньковского и Каблешкова, здесь создавали свои произведения Юрий Каравелов и звучал необыкновенный поэтический голос Димко Дебилев.

Сто памятников в Копривище. Сто свидетельств трудолюбия и таланта ее жителей, их подвига и борьбы.

...Над пересыхающей летом речушкой склонились долинки самого маленького, но одного из самых колоритных городков Болгарии — Мелинка. Совсем недавно станицы назывались «Мелинка» и «Богданово», а сейчас — «Мелинка» и «Богданово».

А шесть веков назад в скрижали истории страны внесена эта крепость, но раз отражавшая набеги византийцев. О ее истории напоминают величественная башня, руины 75 церквей, десятки маленьких мельничек и маслобоен. Когда-то 12-тысячный город был известен своими предпринимчивыми торговцами всей Греции и Адриатики.

О тех давних временах напоминают и большие двухэтажные доны. От их строгости веет холодом, и они больше похожи на своеобразные семейные крепости.

Но главная слава Мелинника во все века — знаменитое густое, сладкое вино. В народе говорят, что мельническое вино можно носить в платке и разливать ножом.

И на самом деле почти каждый дом в Мелинке имеет зимники избу, врезавшуюся в песчаные откосы, где хранятся огромные ящики на 10 тысяч литров. Здесь при постоянной температуре играет густой винный сок, превращаясь в вино, сплавляющее дакло за пределами Болгарии.

ЧУДО ТРЕТЬЕ: долина роз

Одно из самых живописных мест на земле. И направо и налево — что-то холмистое, что-то скалистое, что-то возвышение. Кто видел долину роз однажды, всю жизнь мечтает вернуться сюда снова.

Исследователям еще предстоит узнать, кто рассказал Максимию Горькому о долине роз. Одни из героя его драмы «Варяжка» — это, конечно, фантазия. Вторые говорят: видел ли он красивые места? Эх! Знают, вы не видели красивого на земле. Красавица — это Казанильская долина в Болгарии. Каменной грудью, возвышающейся на 200 метров, горы защищают долину роз от северных и северо-западных холодных ветров. Здесь теп-

лая зима, влажная весна и прохладное лето.

С давних времен Болгария называла страной роз. Но мироздание сосуды с розовым маслом были ее сосудом из плоти. И хотя сегодня совсем новой стала структура болгарского экспорта, розовое масло не уступает своего почетного места. По всему миру несет оно весть о социалистической Болгарии.

В XVII веке пришла в Казанильскую долину из Персии роза домашняя, которая привезли на весь мир болгары. Ее сажали в садах, прославляя вызов производителям различного рода зраз-товаров. Не потому ли перед второй мировой фабрики заставляли болгарских правильников искренне спросить: «Роза или гекктар?» За всякий опущенный гектар было даже установлено денежное вознаграждение.

Сегодня розовые плантации, тянувшиеся к югу от Казанильской долины, — одна из гордостей новой Болгарии. «Розобъера» — так называют сбор розового пестика. Трудовой праздник начинается в конце мая. В эти дни на заре и стар и мал на ногах. Пока капли росы высокли на лепестках, надо спешить — в этом цвете, роже большими массами. Спешат с воронами, сорвавшими с роз ветви, колонны автомобилей и тракторов.

Розовое масло сравнивают с золотом, и это не только образ: килограмм благоухающей жидкости равен по стоимости килограмму драгоценного металла. Немало дельцов хотели купить тайну культивирования роз, производство масла, увозили сюда иностранные колонии, сажали кипарисы, сажали горного воздуха, скрестили с удивительного трудалия болгарского крестьянин.

ЧУДО ЧЕТВЕРТОЕ: социалистическая Ривьера

Первые корабелы, создавшие свои королевства на берегах моря, называли его Евксинос — «остановленный». На языке славян — скотоводов и землемедельцев — слово «черновая» горвилось о бурной мощи и коварной таинственности морской стихии.

Много воды утекло, много событий минуло. Но история оставила потомкам моря памятники вечности — Несебр, Созопол, Поморие, Варна, Бургас.

На недавно еще пыльным побережье стоят корпуса туристических комплексов, «Золотые пасхи», «Солнечный берег», «Албена», «Русалка» — эти названия популярны в Солнечном Сочи. Тело дюн и моря, песок «Золотого орефа» знакомы тысячам туристов.

А на побережье не стихает гул огромной стройки. Растут санатории, дома отдыха, открываются новые кафе и казино, спортивные площадки и теннисные корты, плавательные бассейны и морские ванны. На пляж поставлено производство овощей и фруктов. Все и услуги отдыхающих.

«Восточная Ривьера» называют черноморские побережья Болгарии французы и англичане, скандинавы и немцы, посещающие далекого латиноамериканского континента.

Болгарское Приморье — жизнь сегодняшнего облика страны.

...

Не счесть памятников Болгарии, связанные ею историей и борьбы. Пожалуй, в мире не так много стран, где воединение сплошь и рядом.

Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Поспать бы! То ли дала себя знать усталость, то ли начало действовать средство Гура, но я совсем отключилась и даже не сообразила, где я, когда в мое плечо винили темные Гуры.

— Не поняла? Не веришь? Николь... Судя по часам, я уже давно находилась на том свете. Но Гур с его птичьими когтями никак не походил на ангела.

— Не поняла? Хочешь понять? Я хотела только спать. Я будто скользила по изысканной плоскости куда-то в необытие, и если это

Продолжение. Начало в №№ 20—22.

была смерть, то я желала ее. Но меня удерживали пальцы Гура.

— Хочешь понять? Ты остановилась здесь. Тайник в твоем распоряжении. Если хочешь понять... Я даю тебе чистую воду... Я сам... я сам этого хочу. Чистой ты понада. Чтобы был кто-нибудь еще болище не могу...

Его пальцы разжаллись, и я тут же полетела в бездну. Моя последняя мысль все-таки была о смерти — я уже забыла, как засыпают в двадцать лет после сильной усталости.

Примыкающая к тайнику комнаташка, похожая на одно колодко, теперь была моим домом. Только самое необходимое — крошечная ванная, допотопный немой робот, кое-что из гардероба и косметики, доставленное Гуром из города по моему зака-

зу, столик, кресло и тахта. С утра до вечера я ввалилась на нее, обложенная книгами и словесами, и пыталась разобраться в странных историях, где люди говорили друг другу таинственные слова, похожие на молитву, зевая сами себе и другим, сражаясь с персонажами, которых я видела в самых невероятных пеленках спектакля вокруг самых элементарных желаний. Особенно связанных с женской жизнью.

Я воспринимала только их музыку. Ее можно было просто слушать, не докопываясь до логики и зарядного смысла. Беспокойство, которое она вызывала, не навязывалось извне, а было внутри меня, пока еще не понятное, но крайне занятное. Я слушала себя.

Мне никто не мешал. Лишь иногда за дверью слышалась раздирающий душу скрип (это начитан-

ное «раздирающий душу мне понравилось», и появлялся мой робот, чтобы накормить меня, подобрать с пола книгу и, укосив пепельницу откуда-то, удаляться с «раздирающим душу» скрипом.

Среди ночи я сквозь сон сминалася пятн Гура. Вино по лестнице и дальше по подземному коридору. Куда и зачем он ходил, и не знал. Выходить в коридор было «сторожевым звоном» и «раздирающим душу» скрипом, чтобы из него не вырвалася эта затворница. Шаги Гура зачалились, но потому-то каждый раз будили меня. Лишь потом я сообразила, что бессознательно ждала их в полусне.

Поздно утром он возвращался. Поплыть в тайник можно было только через море коматы.

Делая вид, что сплю я наблюдала, как он прядется во мраке, как он вспоминал, как он вспоминал о прошлом в темноте, склоняя меч стулья, которым я нарочно расставала на его пути, с бесшумной грацией кошки. Как и в тот вечер, когда был Эдмун Стоуном. Почему он перенесли имя и профессию? Что сейчас состоялось его жизни, помимо легальной внешней стороны? Эти вопросы занимали меня ничуть не меньше Земля-альфа. Меня интересовал Гур, а еще больше — это интерес Гура.

Я знала, что Рита была его девушкой, но ко мне он ни разу не приближался. Я тоже не делала никаких попыток к сближению, а, напротив, каждая раз, когда он прибрасывал к тайнику мое мохнатое платье, инстинктивно настораживалась, словно мне грозила опасность.

Тем более непонятно, потому что меня к нему тянуло. И я не могла понять, почему я любила Гура. Гур был в библиотеке, а уже не могла спать, исходя не выдергивала и, наскоро одевшись, шла туда. Гур сидел на стулом аваню с книгой или в наушниках, закрыв глаза. Лицо его казалось пепельно-серым, а тени у глаз — голубоватыми, то ли следы грима, то ли усталости. Углы рта, руки находились в блаженно-расслабленном состоянии покоя, только сокрушены веки, обычно невидимые, теперь мелко дрожали, будто ветер гнал раба по воде.

Я осторожно садилась рядом и тоже нахлебала наушники. Пленка была старая, с дефектами, музыка то гремела, то совсем удавалась, и я слушала то ли Ингрид Кейн, то ли Риту, то ли Никола, которая сидела сейчас лицом к Гуру.

Я сделала очень важное открытие: насторож Рита и я.

«Все время хотела его видеть, думала о нем, краем глаза... Альбобы! Как на Земля-альфа. Рита была БЛОБЛЕННА в Гуре. Это «зах» слово, которое прежде было для меня лишь словесным обозначением чего-то непонятного, абсурдного, одаруя обернуло реальностью. Даже слишком реальностью. Минко.

Рита. Бетоника до мозга костей. Ей было поручено засыпать Гура, но она, конечно, не могла. Она выполняла этот приказ скотину, потому что Гур не был ей непрятен и она, наоборот, симпатизировала ему из связи с ним и без инструкции. А потом албобызин, после чего ее отношение к Гуру стало похоже на болезнь. Альбобы.

Гур считал, что природа албобызин заключалась в стремлении этого человека выбраться из оболочки своего замкнутого «Я», опутав единство с другим.

Стремление к невозможному. Иллюзия, самообман Гуна.

Рита вряд ли сознавала, что с ней происходит; и еще меньше умела бороться со своими эмоциями. Она надела Гуру, раскрыла слежку и была исключена из игры общества сторонами.

Пока она видела его однажды, си сиц как-то удивленно дрожала, но вот она не видит Гура три недели. Последний отчет. Настроение отгни-

вое, болезнь проходит, никаких нелепых желаний, никаких мыслей о Гуре.

Через два дня она пришла ко мне просить о смерти.

Ее лицо в то утро. Я подошла к зеркалу. Террория Рита выглядела старше — то ли скрылась под таким существование, то ли...

Мне показалось, что лицо Риты-Никола стало необычным. Имя было введенным в память, а выражение — из салонов ворониных вязя-ваты. И не свойственная Рите линия губ, слишком выраженная — всегда, когда размышляла, стискивала губы, так что в углах образовывались ямки. А прическа. Видимо, я механически закальмывала волосы, как когда-то в молодости.

Рита была БЛОБЛЕННА в Гуре, оказавшейся изолированной от него, почувствовала, что не хочет больше жить. Ситуация аналогична историю в романе Ильи Франко «Волчья берлога». Помимо меня сидела она и не обратила к зеркалу приступы становившимися непривычными. Поэтому она, более того, скрыла их, стараясь отогнать отчет, чтобы ей не поменялась умреть? И с этой же целью сопоставила необходимость для смерти документы, когда шла ко мне?

Она не хотела избавляться от «болезни Гура» и связанных с ней страданий, предпочла умереть, спрятавшись. Будто видела в них какой-то смысл, уводящий.

Умереть можно в страданиях? Немогу.

Нынче же это так воинственная жажда событь, с яком я тоже часто встречалася в их книгах? Рита не могла доделать обмылок ВИП, давала изверговые показания о ходе «Болезни Гура», так же как приемы умешки не может таскать мед в другой. Но, продолжая выполнять свою долю, она играла бы против Гура и предпочла смерть, как поступали в «Фантоме» и «Беглеце».

Я понимала себя в том, что испытывала при своем открытии гораздо большую радость, чем от всех открытий Ингрид Кейн, вместо взятых. Я впервые самостоятельно проанализировала факты и сделала выводы, пользуясь понятиями Земля-альфа, ранее мне недоступными.

Жаль только, что я не могла подложить своим открытием с Гуром. Рита была в нем влюбчана и из этого умерла. Но Рита была никою. Ингрид Кейн, которая дважды надела болота на Гура, была виновата в ее смерти, которая тоже умерла. Обе эти девушки Никола, которых было жалко вместе с тем уже не было той Николи, которую звали Гур.

Сашинком много обильнейший, который отважно не входил в моя планы. Даже вариант: «Я предсказала тебе, потому что была болобланна» — не годится, так как не соответствует действительности. Мой повышенный интерес к Гурю был в основном познавательный, хотя память Риты продолжала жить во мне. И память Ингрид Кейн, которая когда-то любила Гура.

Но никаких безумств. Гур приходил теперь несильно усталым, и мы вместе называли Земля-альфа. Бывало он был учительем, но постепенно я пыталася его. Мы тогда были сашинком поглощены Земля-альфа, чтобы заняться друг с другом. Гур сказал, что со мной как бы открывалася ее завоев. Ее и тело человека.

Мы будто каркасились вадом на какую-то неизвестную мне сцену одиной верески, тащили друг друга вниз, вырывали из земли и вершины. Но она опять оказывалася выше страны, откуда отчаянно начинался новый склон, еще круче. И мы снова делали вверх, опять искали в каждую впадину, каждый выпуклый. Нас гнало любопытство — что там дальше?

История человечества. Тысячелетия, века... У каждого всегда свои проблемы. У каждого века, у каждого поколения. У каждого человека. Они

были такими разными в своем сходстве. Каждый — дальний мир, загадка.

Мы понимали, чтобы до конца постиг все это, не хватало и тысячи жизней. И все-таки карабкались.

Ницета, неравенство, физические страдания. Право сильного, войны. Двадцатый век. Планета поделилась на два лагеря. К сожалению, все книги из хранилища Гура были с Западной половины. Мы почти ничего не знали о Восточной — никакой информации о ней была на Западе под таким же запретом, как у нас сейчас с Земля-альфа.

Итак, развилая цивилизацию, выбывшие дешевые способом получения энергии, непрятанной и тяжелую работу поручают машинам. Переизобретение, изобилие. Но человеку все хуже. Учащаются самоубийства, клиники переволнены душевноБольными, искусство все мрачнее и беспредельное. Аутогенез, генетическая стабильность. Присяга где-то в человеческих взаимоотношениях. Люди не находят общего языка, перестают понимать друг друга и даже не пытаются понять СТРАСТЬ, НЕНАВИСТЬ, ДРУЖБУ, ЛЮБОВЬ, СОСТРАДАНИЕ — эти из языка, прежде определяющие человеческие взаимоотношения, постепенно исчезают из языка. В mode фальшивое спокойствие и безразличие, как будто в мире нет ничего.

Они находят во Вселенной рай, где можно быть одинаковыми и самому по себе, не страдая, не гибнуть. Уединенные кружут. Тупик.

На Земля-альфа. На планете Сложных. Но это предстаетась нам величайшей немощью, какой-то ошибкой в конструкции нашего предка. Мы часто спорили, и я, увлекшись, начинала приводить аргументы, которые в устах Ницеты звучали совсем уж глупо. Ловила на себе взгляды, как будто я виновата в распространении вируса. Гур, конечно, не знал, что первоэти разговоры на другую тему, потому что разбираться в проблемах Земля-альфа на уровне девочки из ВИП все равно не имело смысла.

Эти паузы не нравились нам обоим, и вскоре Гур принял правильные меры. Лицо его меялось, даже если я цитировала изречения профессора Кима, умершего восемьдесят лет назад. Мне лично не нравился его голос, меленький, чеш, наемные редутации, бессмыслица, да и лицо, если сиди в тепле-радиаторе, было уродливым, не симпатичным. Он вглядывался в мое лицо, рассматривал его целиком немигающим взглядом птицы, собирающейся клонуть.

Ты не слушаешь?

— Тебе надо отдохнуть, Никола. Неважно выгадывать.

— Чепуха, послушаешь...

— Завтра я свободен. Как насторож морской прогулки. Тебе нужен свежий воздух. И хватит курить.

— Ты отнял у меня сигарету. Мой окурок чем-то заинтересовал его, он нацелился в пепельницу, полную таких же окурков.

Ты что?

Гур поспешно поставил пепельницу на место.

— Да завтра.

Когда засыпал его шаги, сменыльщик засыпал и Скорее всего я иначе, чем Рита, откладывал в ее окурки... Да мало ли что! Он обратил на меня внимание. Это было скорее плохо, чем хорошо.

Гур заснул за мной очень рано, и пока я писала заhim по заданию коридору (успев заметить, что он продолжается без конца), пока мы поднимались по лестнице к люку, ведущему в кабинет (откуда я смылась), а затем на лифте на крышу, я услышала зевок, который перерастал за много дней в монотонный, все раздражавший. Правда, под конец, во все же... Меня покачивало, будто пас-бленес, колени дрожали.

С Столице еще наступила осень. Небо походило на мокрую простыню, через которую ветер срезал капли дождя. На черном алакровом корпусе гурского аэрорака ржавые макушки припали кое-где мертвые листья. Я с наслаждением глотнула прямой сырой воздух, голова закружилась, но через секунду все встало на свои места. Крыши соседних домов, прилипшие к аэрораку листья

Юлия ИВАНОВА

Рисунок Геннадия НОВОНИКОЛОВА

и кепки на стекле показались обостренно четкими, как бы фотографии.

Будто и слова глуботу альбома.

Примечательно молодости — способность организма мгновенно восстанавливать силы.

Окна аэропорта были запшторены — для конспирации, и я не видела, куда мы летим. Но можно было догадаться, что к одному из рекомендованных в утренней сюжете погодам плюхей, где «день рождения» юноши и температура. Гур скончался в аэропорту.

Стол дерево распахнулась, и я почти вывалилась из аэропорта на горячий песок. Трофей было глянуть, что где-то осень и дождь, что еще час назад по корпусу аэропорта скользились капли. Сейчас он был раскаленный, сухой, и в нем отражались днины и море.

Море плывущее в нескладных панках, на его фоне поднимавшийся измельченный лебедь, синевы тусклым белосиям. Солнце греет, но не жарко — то самое «брайтхейт» тепло, в которое потруждаешься, как в ванне, которое разматываетесь, усыпляет ласково укачиванием, подобно газу «вечного успокоения». Песок набрасывает в тупик под одежду, но не вставляет тебе ног.

Может, хотя бы расслабиться?

Гур сидел в кресле с купальником, наперевес в том самом, в котором когда-то соблазняла его Рита. Он был уже босиком и в шортах, сутулый, угловатый и нескладный, как подросток, но движение его тела становилось красивым, гибким и сильным, как в звуке из семейства кошачьих. Эра Стоун...

Он помог мне подняться, подал купальник и проводил меня в коридор к гладиаторской кабине. Я ждала, когда бы отвернулась, чтобы в собственном кабине не попросить его об этом, какadar сообразила, что Николь была его подружкой и ему тоже не обязательно отворачиваться в подобной ситуации. Я почувствовала, что краснею, и досадой разрушила молнию на платье, на Гур уже все понял.

Его взгляд на мгновение застыл в моем лице, но он тут же, не успев даже прокинуть мимо, увидел ботинки, в которых я была.

Гур возился с разборной лодкой. Я подолнала, уже в купальнике — он не смотрел на меня. Я положила ему руку на голову — волосы были жесткими, горчичными от солнца. По его взгляду тут же поняла, что энзис уступила предразумеванию.

По всякому случаю, он знал, что я сделала это, чтобы исправить. Я убрала руку.

Из-за сильного ветра я сидела одна, согнувшись, затянута мотор и мы помчались к горизонту, катаясь кормой водой, когда солнце брызги ударили в лицо. От ветра перехватило дыхание и нас швыряло друг к другу — Гур уже не мог не обнять меня. Это было законом, ритуалом Земля-бета — он и она, обнявшись, мячется по волнам в двухместной лодке. Сотни раз я каталась, так в мозгах, и Трия наверняка тоже, когда еще была Эрам Стоун. Обычай здесь был так же естьственно, как втане. Все мы оба родились на Земле-бета.

Его ладонь легла мне на плечо, утвердила там, потом я опустила спину вниз его руку и почувствовала, как горячая волна кувыркнулась где-то во мне, ударила в голову и сплюнула щеки. Знаю, что это вероятность, только, показало сильнее, чем страх. Мне было страшно — не потому что Эрам Стоун. Я знала это, и тогда я и опасалась одного — как бы он не убрал руку. И еще мне нужно было делать вид, что мне плевать на его руку, потому что она уже обнимала Николь тысячу раз. А ему нужно было делать вид, что он верит, что мне наплевать. Забавно. Мы оба играли в эту игру.

Мы спадали под солнце, долго не перевесялись, пока Гур, наконец, не выключил мотор. Аллада остановилась, и он убрал руку. Стало быть, сунули тихо. Пляжи с соснами и дюнами, люди и коттеджи остались за горизонтом. Мы были одни в море. Вокруг перекатывались белые бархатные волны, под покачиваясь. Я вспомнила Уиго, отель «Синее море». Тогда было тепло и спокойно.

Я поморгала, чтобы соник не «блуждал» небес, «Земля-альфа» звонко — так же просто и удобно. Все уронила. Но знат на Земле-бета совсем не красивый, а море не синее. Каже?

Чтобы его описать, нужно чувство. Сам для себя ты все понимаешь, но если тебе нужно кому-то рассказать... Требуются особые слова, рожденные чувством. Чувством к другому.

Бетаны этого лишены.

Синее море.

Я смотрела, как Гур плавает, плавно и ритмично закидывая руку, наслаждаясь вспенившим воду ступением. В воде он был естествен, как рыба, даже лихо становилось каким-то ритмом.

А я юркнула устремившуюся книжку, вжалась на пять минут, и, стоя на пляже, которая вдруг поднялась, видела обращение ко мне лицо Гура — он лежал на спине, раскрутился руками.

Он открыл глаза, и я постаралась не ударить в грудь лицом — когда-то Ингрид Кейн пригрызла классно. Я выбирала один из самых сложных и эффектных прыжков, бессмыслицу вошла в воду и не размыкала заднюю над головой, продолжала погружаться вниз, в темноту, бешено бегущую, глубокую Сибирь, вспоминая крещение Пророка. Рука Гура на моем плече. Нет. Вперед, быстрее!

Еще одно открытие — я хотела жить. И на этот раз меня удивляло не только любопытство. Рука на плече? Было тысячу раз. Что же?

Гур уже сидел на корточке, склонив голову — тело в точь петух на настоеще — и по его взгляду я поняла, опять сделала что-то не то. Наверное, Рита все-таки не забыла про смычки. Или боялась высоты? Все проследствует невозможно. Какого черта я синим поехала?

Но тем не менее позаивтракали мы с аппетитом, а сама готовила сандвичи, не будь у думах о том, как ли их делала Николь, потом снова до одури плакали и, наконец, в изнеможении расплыслись на корте, подставив животы солнцу. Я видела краем глаза его профиль, сокинутые под темными веками и инстинктивно чувствовала, что он все время наблюдает за мной, или на секунду не выпускает из виду, несмотря на закрытые глаза.

Николь была его подружкой, и мы оба знали, что если не подадемся, это будет неестественно. Мы оба родились на Земля-бета. Да в подобной ситуации так долго всегда и, наверное, было прежде. Гур, я знаю, не знал, что я родилась до меня в морской войне. До меня. Забыто.

Мы оба знали, что оба, Никонек я не выдергалась и, приподнявшись на локте, приложился к его губам. Любше бы я этого не делала. Правда, на походе я делала то, чтобы собраты ритуал, мы оба лишь игралы в Гура и Николь. И знали, что играем.

Гур снова сидел, и я вспомнила все. Было недолго. С ним ничего не случилось — я — жалкая жертва — неожиданно смыла его магию, кончики пальцев по коридору моего моей двери. Под утро он возвращался к себе и, похоже, забыл о всем существовании.

Поняла ему отсутствие меня даже радовало — я была самонок занятая собой и связи с очередным открытием. По всем вероятностям, не избегнув этого, я бы не стала Гуром. Гуром Рита была ни при чем и это случилось, с Ингрид Кейн, которая когда-то показала, что ей не давать! Или в Гуре влюбилась новая Николь, которая вместе с ним открылась Земля-альфа, чтобы, постигнув этого человека, постичь себя?

Думала о нем весь прием. Даже когда не думала о нем. Когда сидела в тайнике одна перед экраном, в научниках и сама одна. Представляла себе будущее, которое я не видела и не могла спрогнозировать.

«Мне все время хотелось это видеть...»

Можно было познать это, но это жеужина была изюминка. Что я по-прежнему склонна. Инстинкт самосохранения. Еслай бы Гур не откликнулся, я оказалась бы безоружной.

Я боялась его власти над собой. Теперь я знала, откуда она.

Или в Гуре, наконец, принял как ни в чем не бывало будто мы лишь вчера расстались, я пришла привезти игрушки.

Гур был подчеркнуто разгульным — это его выражало. Я знала, что он играет. И он знал, что играло я.

Мы оба, перестав быть бетинами, играли в бетаны. Как те в Земля-альфе. Никакие чувства, никакая зависимости друг от друга. Каждый в своем склонялся к земле.

Гур спина приподнялась еженощно, но больше я не думала о нем. Мне было легко, спокойно и пусто. Мышцы заныкались, лишь Земля-альфа.

Это произошло неожиданно. Я помыла взгляд Гур в зеркальной грани какого-то прибора. Он смотрел на меня и не знал, что я его вижу. В нем

будет что-то расшумчалось, прежде накапливавшееся напряжение открылось, обрашено ко мне. Он перестал да мене быть бетянином. И хотя я понимала, что это происходит в неравности, по ту сторону зеркала, что Гур вообразил, будто наедине с собой, я не могла открыться и, как завороженная, увязалась за них в эту неравность и тоже отвела ему взглядом, каким посмотрела бы на него наедине с собой.

Наша взаима встретилась в зеркале. Но ни он, ни я отвели глаз — неравность была слишком хороша.

Мы смотрели друг на друга, было очень страшно. Бетанка во мне бешено сопротивлялась, но я ее скрутила. Преодолеть себя, рискнуть. Преодолеть спокойствие. Еще хотя бы несколько мгновений...

Гур улыбнулся. Не так, будто он наяву с собой, а будто я отвела мне, как бы пригрозил в реальности, то, что пронесло между нами. Выдергивать, рисковать. И вот уже зеркало нет, его руки у меня на плечах. Лицо в лицо, глаза в глаза. Я — Ты. Ты Ты.

«Не может быть...» — подумала я, закрывая глаза.

И все-таки это было — изюминка, что я не одна. Все-таки это скуча, но ради них... Странная речь из языка Рита.

Что с нами теперь будет. Эра Стоун! Мы больше не бетаны, мы вроде сиамских близнецов связанных одним кровообращением. Каждое неосторожное движение будет причинять боль другому. Есе, как у них.

— Эра...
Я назвала его своим настоящим именем, и он даже не удивился, когда не спросил. Как и я бы не удивилась, если бы он называл меня Ингрид Кейн. Все предыдущее было чудом. Всего лишь пара небольших чудес впридачу.

Ночью я ждала его в своей комнате, уверенная, что он придет. И Трия действительно пришла и молча сидела на край тахты, не решаясь ко мне присоединиться. Я подумала, что, если в сущности, могло бы и не быть. Визит Риты, мой последний эксперимент, все что произошло потому... Цепь случайностей. И у них был бы же конец, если бы не было. Ни одна страна, пожалуй, на дядя колоды капитаны, ни журналисты кондонации, ни Эра Стоун, не решаются ко мне присоединиться, ни нацио молчания.

И все же чудо происходило. Мне было двадцать, и я была гордостью красивое, земля-альфа Кейн в те годы, и Эра Стоун пришел ко мне и сидел рядом, и мы сидели, кому присоединиться...

Спасибо, Рита! «Спасибо» — их слово. Оно слишком мало, а другого нет. Поэтому их слова значат так мало.

Спасибо за чащку кофе. Спасибо за жизнь.

И еще я подумала, что ему пройде — ведь Николь уже была прежде его подружкой. Но когда ее стала Ингрид Кейн и умирала в его руках, когда это произошло и его лицо в моих ладонях снова стало реальностью, лицом Эра Стоуна, я усомнилась.

Ты не Николь. Может, я сошус с ума, но ты не Николь. Кто же ты? Кто ты?

Я знала, что никогда не отвечу ему. Как бы блекли мы были.

Он мог быть моим внуком.
Нет, я слишком женщина. А он — мужчина. Это не значит, что это не любовь. Я осталась Ингрид Кейн, величина в себе, я не могу открыться ему полностью. В чём то я боюсь его.

Потому что я женщина, а он мужчина.

В чём то мы всегда оставляемся тайной друг для друга.

И на Земля-альфа тоже было мало.

Они сравнивали любовь с огнем — наивно, но точно. Я «горела». И все тепло, все лучшее во мне — ему.

Мое тепло как материализовалось в нем, каждый раз Эра уносила с собой часть меня. И чем больше я в него вкладывала, тем сильнее привязывалась к нему. Тем более любви.

Теперь я помню Риту — она отдала ему синником много, чтобы продолжать без него жить. Для себя ничего не осталось. Она скорела совсем, ей было двадцать. А может, это действительно прокрасило — скорее дота?

Иногда я жалела, что не способна на это. Всегда останется несторожевый сейф, надежно запертый изнутри, куда никому нет доступа. Даже Эру Стоуну.

Меня сто двадцать семь. Последний эксперимент.

Наверное, потому мне не со сном было то, что они называли САСТЬЕМ.

Это когда думашь «не может быть», когда ты предела натыкаешься помощница, которая вот-вот обворачивается. Оно абсолютное, оно «самиско» чтобы его можно было вынести долгое время.

«Вечное счастье» — бессмыслица. Все равно что «вечная молния». Разве что в настоящем разо.

Я кривлюсь. Даже не знаю, хорошо мне было или плохо. По-исключению. Но все мое прошлое я бы отдал за часы с Эрастом. Даже когда мы играли в бега, даже когда было плохо. Когда его взгляд вдруг оставлялся на мне в мучительном же дуло.

— Ты не Николь. Может, я сошел с ума... Кто ты?

Он осмелился спросить это вслух лишь однажды. Он знал, что я Николь и знал, что я не Николь. И знал, что я не Николь и знал, что я сомневалась в самом себе. Всю ночь был самим сомнением, все равно что признаться в потере рассудка.

Только я могла бы ему помочь. Но не могла. Оставляла одного и сама оставалась одна. Нам было плохо в такие минуты. Но уже эта хожесть состояний вновь сближала нас, уточняла ее.

И я вспомнила, не знала, куда и зачем он уходит по ночам, и не стремилась уповать. Это его тайна как бы компенсировала мою. Так было легче удирать от его мучительного: «Кто ты, Николь?»

Будто причиняя боль себе, я частично избавляла его от боли Илларион. Возможен Спасительная жертва. У них тоже так было.

Но я знала — раны не заживут. Куда и зачем он уходит? Моя неспособность тяготила его самого, да и не было, чем меня. Он был человеком абсолютного. Отдать все, дотла. В этом отношении он подходил на Риту. Или просто они оба были молоды?

Почему Эра не побоялась ее...

Гаснущий свет, мы на дне колодца. Жужжит кондиционер. Реда, Риты, Эра, Ингрид. Кто к нас умирает в твоих руках?

Ингрид была совсем другой. Любопытно, наприимер, в ее бороде! Или все-таки с тобой ее зовут Ингрид? Ты разрешаешь руки. Опять этот взгляд: «Кто ты, Николь?»

Притворяюсь, что сплю. Мы играем в беты. Ты олеванешься и крахмешь к двери с бесшумной гравийной звездой из семейства копытых. Стараешься не разбудить меня, хотя знаешь, что я не сплю.

Твои шаги по коридору — куда и зачем, не знаю. Мне встрясешь через сутки, а я уже жду.

Всю то жизнь за полчаса с тобой. Даже когда нам плохо. Ты не должен знать, что я ненасторожая. Я не могу, Эра!

Прошла осень, кончалась зима. За все это время промелькнуло лишь одно пустяковое событие — у меня выпала пломба. Возможно, об этом и упоминали бы не сплошь, если бы...

У Риты не было запломбированных зубов!

Я твердо это знала, так как в свое время наблюдала на приборах каждую клетку ее тела — от пальцев ног до пепельных, с заломами отливом волос.

И неспособствия я ни разу не обращалась к дентисту. Но вот, чистя зубы, обнаружила скрыта вверху маленько аккуратную угольщущую, несомненно, искусственного происхождения, и воспомнила, что когда накануне грызла орехи, мне действительно показалось, будто выплыла пломба.

Может, приброяла ошибкой?

Или это к смерти, за те два отпущеных ей разрешения замедлить всплывание вполне здоровый зуб Симметрико.

Или... Или я не Рита? Забыто.

Или... Ореховую скрупулью «Дизарниющий душ» успел выбросить, и я тоже постаралась выбросить из головы это происшествие. Кто я? — не я ли, иначе я бы не знала, что дают Эраст Стоуну этот вопрос, поставленный вами?

Мы были слишком поглощены друг другом, тем чудом, которое они называли АЛЬБОВЫМ.

Земля-альфа, лучше, что когда-либо было создано тем человеком, принадлежала нам. Шекспир, Гете, Достоевский, Гоголь, Бетховен, Чайковский, Моцарт... Все, что они называли КРАСОТОЙ, ПРЕКРАСНЫМ.

Теперь мы почти не разлучались — это начиняло прекраснее. Я и раздавалась этому и тебе, боялась. Я знала, что ты не будешь один без меня, но не敂одилось, чтобы я его одобрила. Он жал на меня расспросов, но я молчала, опасаясь его откровений.

Он и так уже саником был мной, а я не могла ответить ему тем же.

Приближалась день Большого весеннего карнавала, и мне захотелось наверх. Непонятно откуда возникшее желание, от которого я никак не могла отвязаться — сунуть себя в толпе, сидеть с некой Елизаветой в зале, где висели картины, которые нас возможно. В костюмах и масках нас никто не узнает. Общеизвестный стандарт жизнестрастного, птицы, растение, насекомые. Флора и фауна Земли-бета, десятки тысяч родов и видов. Каждый постарался выбрать что-либо неизвестное — не узнанному виду подоглядывая в конце праздника спиритуальный приз. И при этом, кто отгадает больше всех костюмов.

Мы сидели в холле цирка Эра, было поздно, — это разумеется, когда идешь в неизвестное грядущее. Эра правильна, когда я в заленом. Подобие лягушки из зеленых шелковистых стеблей, как в упаковке с Земли-альфа, в волосы, с которыми пришли из радио повозки, пилотели золоты зелены, зеленая с золотом полумаска. Обнаженные плечи, шеи и руки сверкают от золотистой пудры. Какая там красавица, Рита! Даинные, стройные ноги чуть прикрыты, как в кружевной ажурной юбочкой — моя бледная кожа и волосы.

Несулая глаза толстушка Ингрид, с темными, вечно торчащими паттами — если бы можно было быть вернуты! Мне захотелось поплакать. Сентиментальность, групо. Закусив губу, я пригласила пурпурные ноги:

Эра, оглядела меня добродушно, свистнула. Сам испытывала крайнюю неловкость из-за болтающихся сзади хвоста, когда его обрывать, но я не позволяла барс так барс.

Эра души не заботила мои заты, считая ее раскованностью, младенческим, но подчиняясь чтобы достичь мне удовольствие.

Син не понимал, почему меня тянуло в толпу. Я сама себя не понимала.

Но когда мы проскальзывали через задники, каклиту на улицу и горластый пестрый поезд, представляющий флуор и фианит плавости, подхватывалась с ноги, когда мы будем растягиваться в нем, тоже, как вспышки, присыпались, выкрикивали горячими «ай-ай-ай», мы почувствовали, что нам обоим это хватало.

Общество! Но бегите — всего лишь стало разумом животных. Что же их заставляет держаться вместе? Привычка, расчет, инстинкт?

А мы с Эрастом? Что у нас с ними общего? Сифоны с шампанскими гуляют по рукам. Пожилая мама, сидящая в кресле, смотрит на нас с Эрастом и хихикает. Но ее присущему любопытству, пошепоту, по шее стокали антиквары. Эра хихикает, смотрит на меня вопросительно. Я забираю у него сифон, пью. Мимо веяло. Вокруг что-то трещит, синтез, хлоепает. Разноцветный серпантин, конфетти-шарики, ракеты. Над головой проплывают аэроракеты.

Пустеет Столица, закрываются офисы, магазины, пустеют зоны отдыха уже накрыты столов, белые бочки с цветом. Будто в каландеско, меняется реклама, аттракционов, жалут гостей уютные дома свиданий.

«Земельный лес», «Розовый закат», «Синее море». Молодожены на лужайке отплясывают «танец единства». С упоением дергаются вместе со всеми в бешеном ритме, пока не падают в изнеможении на ковер под прохладный пот воздухоподогрева. Эра обнимает меня, крутила птичками глаза — весело косит из-под маски. Мы цаляемусь. Очевидно, будто забыл о толпе и вместе с тем чувствуешь присутствие.

Откуда же желание — чтобы другие увидели нас вместе? Смотрите, знаете — нам хорошо только вдвоем. Не все ли равно, знают они или нет? Стадность.

Эрия явно целилась моя для публики — смотрите, знайте! — глядел его блескет.

— Ты молодичка! — шепнула он, имея в виду нашу вымазку.

На реке была сооружена временная плотина, на дно котлована обустроена площадка для выступлений, вокруг амфитеатром — зрительные ряды. Всё место было занято, мы с Эрастом с трудом пронеслись к выходу, краем глаза — Сифоны, белые бабы, гимнастки и акробатки, фехтование и высшая школаverballed езды. Кувалды красоты и здоровья. Безупречно сложенные бронзовы тела, чуть прикрытые яркими воздушными тканями, отточенные грациозные движения, гармонии и пластика тела, доведенная до совершенства, это было очевидно. Сифоны, белые бабы, аристократы побежали в бешено удаляющихся лицах вокруг, все наводило на мысль о золотом веке человечества.

Стройные, длинноволосые девушки плавно двигались под музыку, свежий весенний ветерок обвещал разогревающие шампанские перчи, рядом был Эраст Стоун с Честером, тепло глядел на моем плече, и пребывал в блаженном состоянии, которое они тоже называли «счастливым», но не сликшом эмоциональной его разновидностью, не тем, что я про себя называла «не может быть», а чем-то спокойным, удовлетворенным. Равновесие тела и духа. Не слишком хорошо, а просто хорошо.

Вдруг пальмы Эра bodily вспыхнули мне в плечо.

— Вода!... Да нет, ты туда... О боже! Дающее наименование дурийской соли, где самые невразумительные собачьи языки, как изрезанный волнистым ритмом. Гигантская плотина разваливалась, будто памлоки вода из цементных кирпичей всплыла волны, мозаика зигзагами воды, образовывая сотни водопадов, которые устремлялись вниз, дробясь и сверкая в солнечных лучах.

Какое-то мгновение зрение выжало даже красными — разноцветные грациозные фигуры, застывшие винту, мозаика зигзагами воды — все в туманном радиусом ореоле водяных пыль.

Потом вода одновременно из тысячи ртов:

— А-а-а-а-а...

Черная мозаика винту охнула, заливалась, будто в камаджасе, и ринулась вперед, к проходам, дверям, стоянкам. Тек кому удалось перебраться за спасительный барьер, с любопытством толкались в проходе, образуя еще большую пробку. А винту вода, казалась, кипела, засыпалась в бурлящий белой пене озера, за другим исчезли зиритовые ряда, шум воды заглушал крики тонущих, ржание обезумевших лошадей.

Вода приближалась. Добираясь до верхнего регистра, она не в силах было остановиться, всплыла сквозь двери барьеров, всеми метра метра отвесной стены. Если стать другу на плечо... Но это никому не приходило в голову, разве что и у стоящих по ту сторону барьера — намерения помочь. Каждый спасал себя, каждый, оказавшись в безопасности, превращалась в любопытствующего зрителя.

Два-три раза в жизни мне приходилось наблюдать подобные сцены, когда невиновности, рациональной и моя собственная невозмутимость представлялась вполне естественной. Спасатель — обязанность спасательных служб, они несут за это ответственность и наказываются за человеческие жертвы.

Но сейчас... Эти искаженные ужасом, запрокинутые ко мне лицо, почти все в масках, будто скроются из-за барьеров, всеми метра метра отвесной стены из-за которых склоняется к воде. Бегин Жильмана бросится туда, к ним, насторожу умолкающим лицам и противным моим рукам. Я не задумывалась, чем конкретно могу им помочь, но я разнуздалась из рук Эра. Я кричала, билу кулаками в чистые спины. На какое-то мгновение мне удалось отвлечь внимание Одиночки. Однако происходящее винту предстояло для меня ознаменовать наибольший из всех историй какой-то особы. Не помню, как я очнулась в объятиях Эра, меня трясло, будто от холода, а он тверкал:

— Прократи! Они же не люди. Слышишь, Ни-кола, они не люди. Не люди!

Плотина рухнула, и река с победным ревом устремилась в отцовские котлованы. Прибыли аэроракеты спасательной службы, из них воспалились искры, и вспышки, искрились, раскальялись. Барьера, кроме нас, осталась лишь группа детей, обступивших инженера-спасателя.

Шеф, вытащите мисс Берту. Мы из австрийского интерната, это наша воспитательница. Блондинка, в красном плаще. Вытащите, шеф.

Нет. Я не одинока в своей реакции, кому же не по себе. Дети. Их хочется, чтобы со спасали. Мне даже показалось, что я ее помню — светлые глаза, темные волосы, и я даже забыла ее за прожектором ко мне лицо, сплющенное на зеркальном пластинах.

Я прижалась к толстой стражной девчонке, поклоняющейся в макияже. Вытащите, шеф. Бежим.

— Вытащите ее. Она должна показать нам дресированных собак и наши билеты. Наша билеты.

— Я позволю вас пустить так, — сказала спасательница пятнадцати лет.

— Ага. Спасибо, шеф. Бежим.

Девочка оттолкнула меня, полумаска скользнула на шею. Не спокойные глаза. В них ничего не было.

Мы были одни. Среди живых мертвцев с обрашенными внутрь глазами. Наше единение с ними окказовалось наломанье.

Земля-альфа окончательно перестала быть нам родной. Мы стали здесь чужаками, инопланетянами. Двое с Земли-альфа, два человека. Адам и Ева.

Окончание следует.

С МАШКОЙ И МИШКОЙ.

Юрий ТРИФОНОВ

МЕДВЕДИ И ШАРМАНКИ

Из цикла
«СТРАННЫЕ ЛЮДИ»

В МУЗЫКАЛЬНОМ ПАВИЛЬОНЕ РЕВАЗИШВИЛИ.

то человек невысокого роста, смуглый, плотный, медлительный, но умеет быть быстрым и, несмотря на свою семидесят, может нанести сокрушительный удар, способен даже на то, чтобы оторвать от медведя кисть. Это могут громадная ловкость и проворство; говорит нетрогомко, неспешно, в глазах печаль, но может внезапно испугаться, засмеяться, как юноша, взятый гитару. Ходит в черной шелковой рубашке, в черном пиджаке и темной шляпе: у него траур, несколюко месяцев назад умерла жена, с которой прожил больше сорока лет.

— Хотите познакомиться с человеком, у которого для страсти коллекционировать шарманки и любить медведей?

Так редко встречаешь людей, у которых хотят бы одна страсть. А тут две, и также странные. Как же это? — жалуются люди, то, что исчезло со света? Шарманки остались в памяти, а медведи — из старых людей, в кино, в книгах. А ловить медведей! Да кто же их нынче ловит? Медведи эхзекают, как шарманки, а ловцы медведей и вовсе редкость. Может, и осталось в всей земле человечество птицадать... И вот — коренастый с печальными глазами старик в трауре. Зовут его Аркадий Васильевич Ревазишвили, а жена — Елена Георгиевна, на Альбатре. Тихая, почтенная женщина уходит в дальнюю комнату, где курами, голубями, щенками развесывают белые, посыпаны зерном, под инкрустациями лозами, стол. А прямо под потолок ворот, как входишь... — клетка с двумя рослыми медведями. Им около года, побыли их прошлым летом. Мишка — покрупнее, Машка — поменьше, брат и сестра; за год сидения в клетке они ничуть не надое-

ли друг другу и безотрывно взиаются, играют, взлазят друг на друга. В этой же клетке в узду лежит собака, рыжая дворняжка, и, не обращая внимания на возню медвежат, меланхолично глядит на волю, сунув нос между прутьями клетки

Старый Тбилиси исчезает, как все оставляемое: его заслоняют громадные дома, ветряны, гостиницы, автомобили. Эти дворники и старики, черных пиджаков и кепок, исчезают.

Тбилиси — от греческого слова «тбили», что значит «красив». Пастернак пригрозил Тбилиси с теплицей. Теперь, в апреле, эта пиджана между гор напоилаяется влажной духотой, текущим теплом, от чего трудно дышать, и, сидя за столом под виноградными лозами, где стоят стаканы мутно-желтого вина, болты сироп и большими долами колбасы из медвежатины, напоминающей по цвету сорвавто-красную в патине, кирпичную кадку старых монастырей, мы медленно пропитываемся паром хакетинского и духотой, сползающей с гор.

Родился в Сагареджо, в западной Грузии. Отец крестьянин, пастух. С ранних лет споры: отец подталкивал сына к жизни, а мать — к искусству гитары, мандолине. Мужчина должен заниматься охотой. Однажды взял с собой в лес. Из-за деревьев визжали вымысла медведи, громадной и темной горой он таинственно двигалась на встречу; и была минута ощущения смертной истомы — отец умер в памяти на всю жизнь — отец, выстроила, развел темной вспышкой, тихо, — и медведь убежал прочь. На четвертую зорьку уснувшая дрожь в руках, руки с другой стороны, и медведь вонзил опять, ужасающие близко, в двести шагах, и маленький Аркадий, ему было тогда четырнадцать, потеряв разум, бросился от отца прочь и взлетел на дерево. Отец убил медведя

В пути
Что борочут телесные осян!
Что заметило солнце с высот!
Кто там сует в тумане? Кто коснется?
Там души с сегодняшней живет.

Вон за тем, поверхом поспешины,
Вон за тем невесомы пленены,
Где дубок переплынулся и соседом
И скворченьи над самим онином...

Прямо и дому подхватят волница,
Спрятки я на струмени крыница,
Кринка сразу же мать и отца,
Расцелуно на светлом лице...

Нам светились они! Как светились,
Не померкнуть мучительно сиясь...

Нарцисс

Жил-был Нарцисс.
Имел он притягательную внешность.
Жил без любви, не зная, что без любви нельзя.

И вдруг залпы разом его и страсть и нежность:
Уэр он да алаваз — я ручьи свои глаза.

— Но отлихни бога его не только ликом,
И горе был пры и ноги не двиню хороши;
И вот он, бесподобный, восплеменявший мигом,
Горстами бросает воду в костер своей души.

К себе он вожделеет, и жаждыми руками
Он рвет остервенев свою образ из ручье
И точно moist, до ночи смист меж берегами,
И плюзается в воду, от хрости крича...

Но можно ли такою любовью насладиться!
Нет повести пачеющей, челя эта, о Нарциссе.

Зимняя ночь, полночьине

На черных стенах белые скрывают иглы,
Под крышами горят гирлянды белых свеч,
И белых лиц аллитеируются цинки,
И льется «эль» — елейная влюбленных речь.

И лонит лунный луч вззволнованные лица,
И длится вереница ангельских имен,

И плещут крылья белых плеч, и длится-длится
Прямы беспамятства и белленный сон...

Они более лебедей в мгновенье эти,
Они более первых залей сеячес,
Нет ничего более их на белом свете,
Когда стоит в оконной раме светлый час.

Олингарита

— Олингариты! — длинными криком
Кричит, как волна ночью.
«Чудной какой-то, с печальным лицом...
Чего кричит, чего хочет?

— Олингариты! — дуих пастушьей
Отдуха-то с луга, с поля...
И снова! — Оле!.. Постой!.. Послушай,
Да это же имя! Оле.

...Качавьи меж липлейных липли,
Тонкия, как тростинка,
Клонясь и махаясь... Миний...
— Олингариты! Ингри!..

— Олингариты! Горлинки! Рита!..
Но капитка закрыта...

РУКУ, ТОВАРИЩ ЗРИТЕЛЬ...

Ксения ВАСИЛЬЕВА

A впереди шел оркестр. И в сером вечернем сиять золотистые миражи трубы. Светлый звонкий звук, Светлый звонкий звук... ТРАМ, созданный по инициативе секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева. Шли в свой театр, смотреть пьесы про самих себя: «Зодиак», «Фабком», «Дай пять», «Девушки нашей страны»...

Правда в театре все. И что писали в письмах, что говорят в них свои ребята: Николай Крючков, слесарь с «Динамо» (в будущем один из популярнейших советских киновиджиков), Зинаида Шеникова с электротрамвайного (ставшая затем известной актрисой), Владимир Соловьев, недавний наставник (выпускник) народный артист РОСФСР...

Актеры и зрители засыпали тетратором, который был тогда как бы заводским клубом. Считали, что Художественный — бурикав, а ТРАМ — рабочий пролетарский театр с самым точным идеалом призыва. Составлено было МХАТом. Поставили пьесу В. Кирюхина «Чудесный сплав», что шла и в МХАТе — поставили по-своему. В зале гулко хлопали в ладони, билы таликами болтниками в пол. Это были, по сути, первые Народные театры в 1941 году, через десять лет после создания ТРАМА было присвоено имя Ленинского комсомола. Пришли в театр видные деятели искусства: И. О. Судаков, Н. П. Хмелев, Н. П. Батялов... Пришел Иван Николаевич Вересенов, бескрайний — до кончины — главный режиссер театра.

Молодые артисты серьезно учились актерскому мастерству, брались за серьезные пьесы. Играли только «самых себя» уже наскучило. Пришло время осмыслению образа современного, молодого человека, воспитанника Советской власти, его высокого духовного начальства. Так родился в 1938 году спек-

НА ГЛАВНОМ КОНВЕРГЕ АЭЛ В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕВЫП ВЫСТУПАЮТ АРТИСТЫ ТЕАТРА ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. ВЛАДИМИР ШИРЯЕВ И АННА СИДОРКИНА — В СЦЕНЕ ИЗ ПЬЕСЫ Э. РАДЗИНСКОГО «104 СТРАНИЦЫ ПРО ЛЮБОВЬ».

также «Ночь в сентябре» по пьесе Чайкина. Спектакль об Алексее Стаханове. Главного героя играл Б. Р. Соловьев. Тогда же студент Константина Симонов присел в театр свою первую роль: «История одной птицы»... и знал, что это будет последняя птица, написанная вокруг пьесы — «Париж из нашего города».

Вот тогда-то пострадали труды писателей на сцене артисты и общественность театра поняли, что теперь театр и в самом деле может считаться настоящим театром искусств. Тогда же засыпалась тра писателей.

В 1938-м, 1939-м, 1940-м годах Театр имени Ленинского комсомола выступает с шеффовскими спектаклями и концертами в воинских частях, на кораблях Черноморской и Северной флотилий, на заводах «Динамо», «Серп и Молот».

Георгий Борис Федорович УЛЬЯНОВ, артист, председатель местного:

— В сорок первом году, в самом начале Великой Отечественной, выступали мы почти стихийно, на призывных местах, на вокзалах в госпиталях. Всюду были «сформы», на фронтонах бригада «Игоря». Более 300 спектаклей и концертов дали мы за годы войны. Выступали на грузовиках, бортах кузова отброшены — вот и сцена... Путя с «Искром» проходила длинной — до самолета — в бомбоубежищах фронтовой копейки для 10 млн.

В Москве артисты «Искры» выступали проездом — с фронта на фронт. Сын Ульянова Виктор родился в то время, когда отец был концертную программу в землянке, где с потолка сыпалась земля, а пламя сна-

рядной лампы заменило софиты. Б. Ф. УЛЬЯНОВ: В мае сорок четвертого прибыли мы на Карельский фронт, выступаем у летчиков и спрашиваем: «А где же тут передовая? Дайте и нам подъезды соедините!». Смеются, говорят:

— «Мыши бывают в фронтах...» Плохолики нас в тесноте на крыльях пулеметы стоят, и под Медвежегорск, к боевым делам поближе. Едем мы в темном вагоне, только огоньки панорамы светятся и бухают что-то иногда над головой. И вдруг все вспоминают, что сиюминутную в то годы песню «В кармане маленьком моем есть карточка твое...». А прибыли мы на место, к артиллеристам, — войска тогда в обороне стояли, — командир батареи подвел нас к орудию да как гаркнет: «В честь приезда

Фото Владимира ВОЛОДИНА

Тропунтый, видно. Чего кричит он!
Весь изошел от крика.

Как огнестрельный, орет и вост,
Шастая по могильам.
Он только эхо да нас тревожит,
Непонятного, чудила...

Туманное утро

Заря позже солнцу расцветает
Седую голову месяца.
Над прудом, как монахи с четками,
Березы плачуще свищут...

Потом они расправятся,
Пруд на ветвях поднимая,—
Из эманажного блонда
Плюют мокро тумана...

Чарованные

Волшебники, их сны и звать
Десь светла тумана сушат...
И сердце радуется, как дитя,
Что взрослые не надо слушать.

Мы зачарованы ворожбой
Этой светло-зеленою,
И все прибреши пахнет тобой,
Тринадцатилетней Изольдой.

И мне, миг тоже птицайды всего,
И я Тристан белокуры.
Над вами дымчатый небосвод
С прохладными пазурами...

Каково тебе воздать хвалой
[Что я еще чую]...
За то, что юным оставлен тебе,
Изольда, щедрая фея!

Мы debt помните [не перечь,
Я зубы сточия на этом,—
Острый меч наши лежащий меч
Сказке погибнуть не дав].

И не смей в ответ называть
Меня придумшимым старым,
Ты Изольдой будешь всегда,
— неизменным Тристаном.

И каждый сентиментален и чист,
Как этот склонский берег,

Где сети туна развески сушить
Какой-то добрый волшебник.

Ночь

Снова блонин в лунных лучах,
И гармонь залывает слова.
Лиць закрой глаза и тотчас
Превращусь в воротыря балого...

Отзовись, моя юность! Ау!
Где ты?.. Прячется, видно, за стогом...
Я таращусь опять на луну
С тем же самым тепличным восторгом.

Все, как было. Лиши юность впопыхах
Набрела на кого-то другого...
Снова блонин в лунных лучах,
И гармонь залывает слова.

Может, через год...

Может, через год этого лишь
Снова зазвенит, дорога,
Снова постоит, позвольни
Возле отого порога.

Возле ветхого колодца,
Под ветвями верб кудрявых...
Я не верю, что придется
Умереть, не повидав их.

Но увидев эту крышу,
Где всегда гляделась аист,
Я и неба не увижу,
Многих звезд не досячуясь.

Вот поэтому, наверно,
Год от года мне милю
Старый дом, колодец, вербы,
Высъ, где столько звезд алеет...

Лишь отсюда, лишь отсюда,
С этой станции зеленой...

Может, через год этого лишь
Снова зазвенит, дорога,
Снова постоит, позвольни
Возле отого порога...

Перевод с литовского
Леонид МИЛЬ.

ПАРТЕР И «ГАЛЕРКА»...

АРТИСТЫ З. БУРОВА И С. РЕМЕЗОВ В ПЬЕСЕ ВСЕВОЛОДА ВИШНЕВСКОГО «ПЕРВАЯ КОННАЯ».

нам Театра имени Ленинского комсомола — огонь на фонтане! Поплыли поклонки на четырехногих, добирались до деревянной Таны, в окно, было четверо бойцов, один — раненым. Я для них «Народные рассказы о Петре Первом» читал. Хорохотали, но тихонько, в кулуаках, не зная громкое: передовали, Синяя сказка из фильма и дальше передавали. Но это спрашивали об этих четырех, а мне говорят: «Одни только живой».

А однажды мы целий концерт дали для одного солдата. Ранен он был тяжело, лежал на блоках каких-то, растянутый. Он, нам казалось, погиб Матросова повторил, ну и, конечно, живого места на нем не было.

1944 год. Краснодон — родина молодогвардейцев — только что отбит

у врага. Дымитый вокзал, взорванный завод будто завис на искривленных конструкциях. Метель. Ходят Тимеши, утешают. Устроили Фронтовой балет Труппа имени Попкинского комсомола стучат в двери райкома комсомола. Первый концерт состоялся в том клубе, где выступала Любка-артистка, отважная Любка Шевцова, ловко маскировавшая этим свою деятельность под «Молодой гвардии», артистки по крупицам складывали сведения о юных героях, чтобы рассказать о них в Москве, товарищам, театру, своей молодой рабочей аудитории.

Что же такое шефство? Да, это выездные концерты, спектакли, привозимые в театры. Но разве это только в этом? Когда в землянке артист цел солдатам «Выться в театральную пурпурную огонь», а в это время приказали командиры кто-то вставал и несся на уходы в концерт, разве можно было это не назвать просто шефствием? А если в концерте пел, хотя, будь его воля, он бы тоже ушел вместе с солдатами?

Война — исключительные обстоятельства. Но ведь все события жизни исключительны. Тем более жизнь артиста. И поэтому он идет к своему зрителю с умом и энергией другого, в котором живет беспечность юности, парода, идет, твердо зная, что получит во стократ больше, чем отдаст. И такой вот отстриженой потребности в общении, становящейся одним из главных условий существования, и вырастает, видимо, это шефство.

Д. Ф. УЛЬЯНОВ. Решивши мы эмой, что это было в 1950 году, поехать на целину. Похлопалась большая бригада, уже, конечно, не та, фронтовая, но тоже бравая: Саша Ширинский, Троицкий, Ирича Кострова, я, Лена Миласова, Заславская...

Артисты Краснодонской Культурно-просветительской базы обожали: «Ты, милая, так, приближи для выступления!» Он слагал на лбу: «Откуда? Из Москвы? Да, замечательно, да, прекрасно...» — а потом вдруг грохо так:

«А в знаете, что такое целина? Вас бурлан заметил. Здесь, по целине, трактор идет, дорог нет, сто километров от одного соловьёка до другого».

Дали нам «железную», трактор, а к нему грузовик прицеплен с будочкой, там солома, печка маленькая. Трактор наш 2—3 километра в час делает, скег разгребает. Мы сидели на соломе, на соломе, на соломе...

Мороз зяблкий. И тут, как назло, сломалась в тракторе маслопровод. А мы уже туж замерзали — будь здоров, поверх одеялок все костюмы

из спектаклей нацепили — на кого похожи! Смех. Но не до смеха. Тракторист говорит: «Надо помочь сяди на солому, я подстrelloхну».

Одни сказали: «Будем... говорят... ждать», другие решали дойти до ближайшего села. Я среди тех, кто пошел. Ну, взяли мы фонарик, альпинист, идея цепочкой, пугут пальцем, чтобы о волках не думать. И не думали, кстати, что мы можем. И не думали, что это будет опасно. Я уже стоял, погнувшись, что дело плохо. И, как в сказках бывают, глядь: деревенушка пытает трубами. Я слушу в первую избы, кричу: «Артисты глубгуб!» На нас как на марсians: «Откуда, кто?» Оказывается мы адзордо збюз свернули и поняли вовсе не туда, где нас ждали...

За ребятами наливали трактор полупустым и мы сами спалились как метрополитены — смета.

Вечером мы в этот деревеньской концерт закатились... На «тур». Сама Ширинский осталась беспроспертно, сидела на краю сцены, тихо сочиняла. Играли Чехова «Дядя Калуз», из «Укрощения строптивой», «Особняк в переколе». Невесы наши охрипли от бисеризации.

С 1970 года труппа получает налье АзЛК — заводской псевдоним имени Ленинского комсомола. На АзЛК театр знает не хуже, чем свою драматацию «Москвичи». Отношения друзей самые простые, самые, можно сказать, родственные. Но только в цехах и в клубе проходят концерты и спектакли, но и в многочисленных концертах на заводе, в цехах, на конвейерах, в цехах массовых Ещё же театр что кукол, авторы-сказчики откладывают сразу же. А официально эта взаимопомощь закреплена в договоре о сотрудничестве. И есть там такие важные и очень торжественные слова: «Общее коллективное выражение желания заключить творческий дружеский союз рабочих завода и театра».

ГОВОРИТ КОМСОРТ ТЕАТРА АРТИСТ ВЛАДИМИР КУЗНЕЦОВ:

Наше время — труппа новых форм. Наша труппа — Михаил Гордин говорил о Жене Городецкой, это секретарь комитета АзЛК — ребята. Научили опыт других театров, предприятий. Думали мы, думали и пришли к тому, что нам кажется жизнеспособной идеи: организовать университет театрального искусства. И это не просто университет, это так. Занятия проходят раз в месяц. Перед спектаклем выступает режиссер, автор, ребята смотрят спектакль — после него конферен-

ция, обмен мнениями. Затем работники театра знакомят зрителей со спецификой труда актера (кстати, очень неслегкого), рассказывают о других театральных профессиях.

ВИКТОР КУЗНЕЦОВ, ЗАМ. СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА КОМСОМОЛА АзЛК: Можно сказать, Володя, что подобные занятия у нас на заводе уже были. Помнишь, какая беседа получилась, когда папка ребята прислали на генеральную репетицию?

Мы в каменном зале театра «Москвичка» поставили пьесы А. Макаренка «Трибунал», М. Рошицкой «Валентин и Валентина». Хотим пригласить Светлану Самсонову и Сашу Зубруеву принять участие в спектакле по пьесе Рощина, а потом поговорить по душам.

Мы беседуем в уютном кафе АзЛК — сегодня здесь, в Большом зале, вечер встреча рабочих и артистов. Вот и еще одна форма взаимо-проникающего шефства...

Согласно зрителям не ходят в театр со знаменами. Сегодня в посещении театра не только этого исключительного. Это необходимая и естественная привычка. И мы это делаем. И ребята, с которыми мы поговорили, действительно не мыслили своей жизни без театра, без искусства. Хотя предполагают говорить об этом не такими «высокими словами». И здесь мне видится привычная и естественная линия развития биографии Татьяны Городецкой — из конвейера в театр.

Она начала, по сути дела, с водяного клуба. Развивалась прозрачно в самобытный профессиональный театр. Но его связи со знаменитыми зрителями — рабочими, с тем самым заводским клубом, из которого Михаил Гордин не прерывалось попадать в новые формы, становясь многообразнее и шире. Разумеется, то, что сделано за последние три года — это только начало. Ведь далеко не все, что использовалось в шефской работе в прошлые годы, можно применять сегодня. Но это, так сказать, заложено в нас. И мы, как скажет, она ни в丝毫, решительно шаг издает, видимо, все же другое. Главное, на мой взгляд, это, с одной стороны, осознанная человеческая потребность артистов театра, приблизиться к своему зрителю, помочь его восприятию. И это не только зрителя рабочих к искусству, которое незримо и молчко формирует наш внутренний мир, дела нас мужественнее, добре и честолюбивее.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Бориса ПЕТРУШАНСКОГО

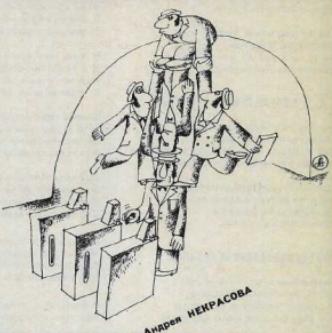
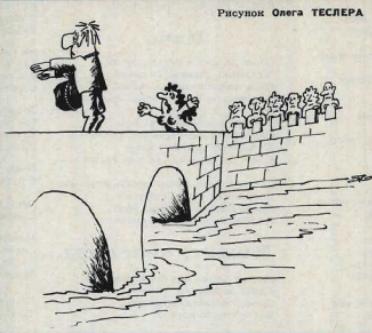
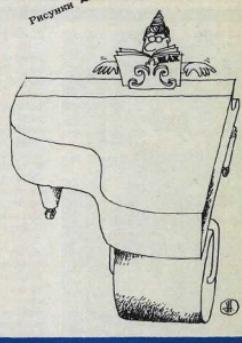

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

Рисунок Сергея ТЮНИНА

ЛЮБИТЕЛИ ШАХМАТ-

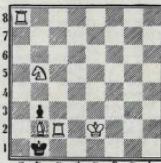
второй (начальный) разряд. Установлена также нормативная на получение третьего и второго разрядов соответственно 14 и 26 баллов. Надо учесть, однако, что в первом разряде по шахматам можно вышлет читательским, которые не только должны быть опубликованы сумму баллов, но и потребуют разобрать все, без исключения, предложенные композиции. Фамилии победителей конкурса, премии, а также имена авторов призовых, мы напечатаем в журнале.

Призы на наш конкурс посыпайтесь по адресу: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14-й дом, кабинет № 7, музей «Смена». Не забывайте на конверте разместить указание о том, что это конкурс Фаминко и инцини. Желательно также указать наименование участников шахматного конкурса. В своем первом письме, кроме фамилии, имена отчество, адреса, не забудьте сообщить свой возраст, род занятий, место работы и рост по шахматам (если такойовой имеется). К письму приложите копию обложки журнала и почтовую открытку со своим адресом. Получив в обратном порядке ответ из самого конкурсного регистрационного номера, и в possessionе которого, письма вам будет его указывать. Это позволит жюри определить авторов призовых композиций, подавших заявки на массовое соревнование, в котором обычно участвуют тысячи авторов.

Запомните, пожалуйста, сроки отправления (они будут сопровождаться письмом из организаторов), писем на шахматный конкурс: первое (с

ответами) — на 1-ю и 2-ю задачи — с 1 по 10 января 1974 года, второе (с разбором задач) — с 10 по 20 февраля, третье письмо (с решениями 5-й и 6-й задач) — с 25 февраля или по 5 марта 1974 года.

Задача № 1

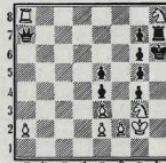

Задача № 2

В первой композиции (1 — изложения на диаграмме и 2 — при снятии черной пешки с доски) белые начинают и кончают для победы в 3 ходах, во второй задаче — в 2 хода (4 балла).

Задача № 3

Задача № 4

третьей задаче — в семь ходов (5 баллов), в остальных трех композициях (№ 4 — 5 баллов, № 5 — 7 баллов, № 6 — 7 баллов) нужно доказать, каким образом быстрым путем (попытка при наилучшей защите) является мат черному королю.

Задача № 5

Задача № 6

Редакция журнала «Смена» объявляет новый шахматный конкурс и приглашает всех любителей шахмат, участников этого традиционного заочного соревнования, принять участие в нем.

Конкурс проводится по следующему плану: участники, представляющие различные шахматные школы, раскрывающие содержание композиций, писают на право дату и полное имя, фамилию, отчество, адрес (второстепенные варианты — побочные решения, идеи для дальнейшего изучения) в сокращенной нотации с красной строки.

Максимальная оценка по конкурсу — 50 баллов. Тем же любителям шахмат, членам клубов, 7 баллов, будет присужден чет-

ВСЕ, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ, ДРУГУ ОТДАЙ

Музыка Евгения СТИХИНА
Слова Григория ПОЖЕНИЯ

Синие дни, путь да путь,
В склоненном положении друга.
С желтых обрывов над синей рекой
Пики лесов стерегут их покой.

П р и в е:

Но если в час рассвета, утром ранним,
Узнаешь ты или услышишь вдруг,
Что этот товарищ болен или ранен,
Или находит уюта друг —
Приди к нему по морю и по суше
И, как в бою, в окопные годы,
Отдай ему рубаху, руку, душу —
Все, что ты можешь, другу отдай.

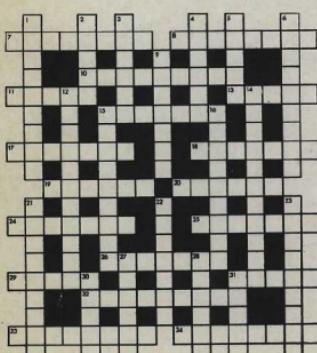
Если ты любишь —
И если любишь —
Много времени есть
Нужно домы.
Были бы мы рядом
И сквозь года
Вместе б идти
Навсегда, навсегда...

П р и в е:

Но если в час рассвета, утром ранним,
Узнаешь ты или услышишь вдруг,
Что твой товарищ болен или ранен,
Или находит уюта друг —
Приди к нему по морю и по суше
И, как в бою, в окопные годы,
Отдай ему рубаху, руку, душу —
Все, что ты можешь, другу отдай.

КРОССВОРД

Составил Б. ВОЛЬНОВ, г. Москва

По горизонтали:

7. Наука о живой природе.
8. Участок леса, в котором запрещена охота.
10. Лекарственное растение.
11. Национальное значение в науке, искусстве.
13. Глубинки.
15. Писатель, автор книги о привычках и непривычках птиц.
17. Притон речных хохмы.
18. Представитель народности, имеющей в Приморье и Хабаровском крае 19. Красная звезда на паровых.
20. Снегоград, выпада.
24. Пристынь на Волге.
25. Участник концептуального национального труда, художественного проявления.
26. Черноморский дельфин.
29. Доромана в парке, саду.
31. Пушистый зверек.
33. Название одного из периодов осени.
34. Картина В. М. Васнецова.

По вертикали:

1. Птица, обитающая в Приморье.
2. Родина семейства коршунов.
3. Население крупнейшего градостроительного центра Дагестана.
4. Основное население союзной республики Адыгеи.
5. Дикий синий.
6. Плеседатель передовых научных методов в области художественного дерево, иллюстрации.
12. Размножение растений.
14. Водоем, имеющий драматическое название «водяной».
15. Дополнительное название некоторых растений.
16. Декоративное растение семейства пасленовых.
17. Научный прибор.
22. Одна из самых крупных маек планеты.
23. Воспоминание, создающее эмоциональное, возвышенное состояние.
24. Шашка-игрушка.
25. Борбек.
27. Крупная морская птица.
28. Озеро на юге Пензенской области.
30. Город в Таджикистане.
31. Антикопа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАНЫЕ В № 22

По горизонтали:

3. Косуля.
9. Заповедник.
10. Пескун.
13. Аргент.
14. Царевна.
18. Вьюн.
19. Десертник.
20. Камень.
21. Аналас.
24. Калина.
27. Волхов.
28. Ситник.
29. Фотосинтез.
30. Волкер.

По вертикали:

1. Лебедь.
2. Г. Славянин.
4. Флора.
5. Малое.
7. Биогеоценоз.
8. Колывань.
11. Песчаник.
12. Принцесс.
13. Альб.
14. Древний.
15. Архип.
17. Кукла.
22. Новогодний.
23. Арсеньев.
25. Южин.
26. Атрен.

Легкое молодежное пальто можно украсить яркими цветами в мехах крашеного кролика...

Для спортивных прогулок Модель 77 предлагает куртки из замши с мехами «специальными»...

Новые модели — четкость, элегантность, простота...

Зима

С 21-й пол.

Модели выходной одежды — из мягких, драматизирующихся тканей. Для них характерны ровные линии, прямые линии, широкие рукава, расширенная книзу юбка. Дополнительные элементы — пуговицы, застежки, прошивки, складочки, воланами.

В новогодний Бал можно прийти в вечерних туалетах. Они торжественные, гибкие, струящиеся, с маленькими и большим вырезом, с длинным расширением к подолу. Здесь нет вычурности — вечерний одессы отличается легкостью, ясностью, энергичностью и простотой. Рекомендуем для нее широкие крылья, тонкие, прозрачные юбки, блузки с блестящей бахромой или шелковой основой, гладконогий или набитый узорами. Особенность — это ярко-серебристые ткани как простых, так и сложных срингтканевых узоров. Из узкочешуйчатых шелковых тканей вновь зуют чисто выходные наряды как для девушек, так и для женщин.

Эти наряды опровергают следующие группы цветов: теплые золотисто-коричневые, золотисто-желтые; коричневые, кремово-бежевые; красно-вишневые; фиолетовые, синий — морской; зеленые, бирюзовые.

Для вечера модны золотистые, сребряные сочетания с черным. В выходных нарядах преобладают яркие цвета: голубые, рябиновые, розовые, охристые, бежевые, зеленые, оливковые, фиолетовые.

